Годъ шестьдесятъ второй. 12 апрѣля 1900 г.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ)

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на неоффиціальную часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей“ въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ доставкой и пересылкой въ другіе города: 4 р. за годъ и 2 р. 50 к. за полгода.

Подписка принимается: въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимается: впереди текста 20 к., позади текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ за № неоф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффиц. частью 20 к.

№ 16.

Телефонъ редакціи и типографіи № 330.

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Всѣ же прочія—оплачиваются соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегор. Губ. Вѣд“., въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

Содержаніе № 16.

Нижній-Новгородъ, 9 апрѣля.

Сегодня всюду гудятъ колокола, всюду встрѣчаются радостныя лица. „*Христосъ Воскресъ!*“ восклицаетъ сегодня старъ и малъ по всей землѣ православной. Празднуется день Воскресенія Христова, самый большой христіанскій праздникъ, знаменующій торжество ученія Того, Кто проповѣдывалъ людямъ любовь и справедливость и кровью запечатлѣлъ свое ученіе. Праздникъ этотъ считается днемъ любви и примиренія, когда люди смотрятъ бодро на міръ, когда хочется вѣрить, что есть на землѣ правда, что дорога креста не должна всегда ожидать истину, что когда-либо осуществится на землѣ любовь къ ближнему, которую люди признаютъ на словахъ. Конечно, масса людей, радуясь свѣтлому празднику, отнюдь не помышляетъ о томъ событіи, которое связано съ этими днями, но радуется по традиціи, которая идетъ, не угасая изъ вѣка въ вѣкъ, хотя мѣняются люди, мѣняется и жизнь ихъ на землѣ.

Какъ бы то ни было, настроеніе, связанное съ событіемъ, совершившимся много вѣковъ тому назадъ, сохранилось и теперь и оживаетъ въ дни, посвященные воспоминанію о немъ. Великій нѣмецкій поэтъ Гёте въ своемъ „Фаустѣ“ прекрасно выразилъ это настроеніе, рисуя, какъ Фаустъ подноситъ отраву къ губамъ, но въ это время слышатся пасхальные колокола, гудятъ въ воздухѣ, навѣвая на него настроеніе, выражающееся въ слѣдующей пѣснѣ „хора ангеловъ“:

Христосъ Воскресъ!
Радость страдающимъ,
Въ злѣ изнывающимъ,
Радости чающимъ,
Радость съ небесъ!...

И звонъ колоколовъ, будящій воспоминаніе о самоотверженіи, о любви къ людямъ, которые выразились въ крестныхъ мукахъ Христа, способствовавшихъ торжеству Его ученія, распространенію его среди людей,—сразу отрезвляетъ мысль Фауста, отвлекая ее отъ личныхъ страданій, поставившихъ его надъ бездной самоубійства. Онъ говоритъ, отстраняя отъ себя чашу съ ядомъ:

Какой глубокій звонъ глухой
Отъ устъ отраву отторгаетъ,
Не Пасху-ль въ этотъ часъ ночной
Онъ слуху вѣрныхъ возвѣщаетъ?..

Воспоминанія, связанныя съ этимъ днемъ, тѣснятся въ его головѣ, будятъ, давно измятыя жизнью, заглохшія чувства, вливая въ него желаніе снова жить, бороться и страдать. „Земля, я снова твой!“, заключаетъ онъ. Замѣтимъ, что мотивъ этотъ повторялся потомъ многими писателями, и у насъ на эту приблизительно тему написанъ прекрасный небольшой разсказъ Гаршина: „Ночь“.

Торжественность, свѣтлый характеръ праздника Пасхи усиливается тѣмъ, что онъ приходится ко времени возрожденія природы, ко времени прихода весны, что онъ прерываетъ тяжелый трудъ заботы о хлѣбѣ насущномъ, давая возможность людямъ на минуту воскреснуть душой, отдохнуть и радоваться. Тотъ же Фаустъ, смотря на толпу, рвущуюся въ праздникъ погулять, повеселиться, говоритъ:

Добро вамъ! И вы всѣ воскресли сегодня!
Воскресли изъ грязи подваловъ своихъ,
Изъ сырости фабрикъ, изъ мглы мастерскихъ,
Изъ улицъ стѣсненныхъ...
Воскресли, на волю вы рветесь скорѣй...

Говоря о Пасхѣ, всѣ поэты связываютъ ее именно съ пришествіемъ весны, съ воскресеніемъ природы, которая даетъ уже сильно чувствовать себя въ это время. Снѣга таютъ, бѣгутъ ручьи, журча и веселя сердце человѣка, уставшее отъ долгаго сна природы, отъ зимнихъ мятелей и вьюгъ. Такъ напримѣръ, нижегородскій поэтъ Л. Г. Граве

говоритъ въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Пасхѣ:

Великій день улыбкою встрѣчая,
Осыпана жемчужинами рось,
Прекрасвая, какъ въ эти дни земного
рая,

Идетъ весна, царица молодая,
Въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ...

. . . .

Христосъ Воскресе, дорогой читатель!

Во едину отъ субботъ.

Все тихо, дремлетъ Палестина.
Въ знакомый садъ, тоски полна,
Идетъ еврейская жена,
Идетъ Марія Магдалина.
Не страшны ей ни мракъ ночной.
Ни видъ пещеры гробовой...
Идетъ къ Распятому она
Священный подвигъ совершить,
Душистой миррою облить
Христа страдальческое тѣло...
Благая цѣль, благое дѣло!
Пришла Марія... и глядитъ,
Глаза въ слезахъ...но видно ей,
Что нѣтъ у гробовыхъ дверей
Ужъ боль камня...отваленъ,
Но кѣмъ, когда и чьей рукой?
И гдѣ Господь, не взятъ-ли Онъ,
А если взятъ, гдѣ положенъ?
Но кто въ таинственной тиши
Ей дастъ отвѣтъ на вопль души?
Все безнадежно. Стало ей
Еще грустнѣй, еще больнѣй.
И вновь къ друзьямъ, передъ зарей
Она вернулась въ градъ святой!...
Скрываясь въ горницѣ Сіона
Отъ Іудеевъ и враговъ,
Въ нѣмой тиши, одни безъ словъ,
Подъ гнетомъ горя и тоски
Сидятъ Христа ученики....
Едва до слуха ихъ коснулись
Слова жены о томъ, что нѣтъ
Христа во гробѣ....содрогнулись
У нихъ сердца... Маріи въ слѣдъ
Они пошли во тмѣ ночной
Къ пещерѣ мрачной, гробовой....
Пришли...Приникли къ двери гроба,
И съ сокрушеньемъ видятъ оба,
Что нѣтъ въ немъ Господа – Христа,
Мрачна могила и пуста....
И снова къ спутникамъ своимъ
Пошли назадъ въ Іерусалимъ.
А ты, Марія?... ты стояла
У входа въ гробъ, забывъ себя,
Чего-то смутно ожидала,
Тоскуя, плача и любя!
Но близко утро искупленья,
Уже рѣдѣетъ мракъ ночной,
Молись...въ слезѣ твоей святой
Не загорится-ль лучъ спасенья?.
И въ грудь къ тебѣ, съ надзвѣздной
дали
Не упадетъ-ли, какъ роса,
Надежда..Вдругъ ей слышны стали
Изъ гроба чьи-то голоса:
«О чемъ, жена, твое страданье,
«О чемъ болѣзнь и грусть души?
«Зачѣмъ пришла сюда съ рыданьемъ,
«Чего ты ждешь въ ночной тиши?»
Она въ отвѣтъ имъ: «Я рыдаю
«Объ искупителѣ своемъ
«Онъ здѣсь, въ гробу былъ положенъ...
«А гдѣ теперь Онъ, я не знаю,—
«И кѣмъ отсюда унесенъ»?
Вздохнула тихо. Новой встрѣчи
Ждала-ль ты, грустная жена?
Но снова звукомъ чудной рѣчи
Вдругъ огласилась тишина:
«О чемъ ты плачешь?» — Оглянулась...
Не вертоградарь-ли за ней
У гробовыхъ стоитъ дверей?
Не онъ...и снова содрогнулась...
Вдругъ тихо раздалось «Марія»! —
«О Раввуни!» и вся въ слезахъ
Къ ногамъ Христа упала въ прахъ!.
— «Не прикасайся, Мнѣ.. не время.»
Сказалъ Христосъ.,. «къ друзьямъ
своимъ

«Иди назадъ въ Іерусалимъ
«И съ нихъ сними страданій бремя
«Живою вѣстію о томъ,
«Что восхожу Я къ Богу силъ,
«Къ Отцу небесъ изъ тьмы могилъ!»
По міру Божьему раздался
Глаголъ божественный Христа,
И въ первый разъ «Христосъ воскресе!»
Сказали женскія уста.
Впервые вѣсть о возрожденьи
Черезъ Марію міръ прошла,
И благовѣстницей спасенья
Впервые женщина была.
А Ты, съ небесъ, Спаситель міра,
Всѣхъ женъ земныхъ благослови,
Да будутъ вѣстницами мира,
Надежды, вѣры и любви.

Свѣтлый праздникъ.

(Разсказъ).

Ледъ на Волгѣ покрылся багровыми пятнами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозь ледъ просачивалась вода, поверхность которой, поддерживаемая утренниками, представлялась бѣлесоватыми пятнами; кое гдѣ образовались трещины, а закраины были настолько велики, что по нимъ можно было перебраться только съ помощью ботника.

Мертвую, непригдядную картину представляетъ Волга въ дни—наканунѣ своего пробужденія, точно трупъ, пролежавшій долгое время на открытомъ воздухѣ. Въ эти дни всякая жизнь покидаетъ великую рѣку, только воронье, эти традиціонные санитары, собирается кучами, чтобы собрать послѣднія крохи, оставшіяся отъ прошлаго, да кто нибудь изъ тѣхъ, кого гонитъ нужда, бѣжитъ, желая достичь противоположнаго берега; онъ, какъ безумный, бросается изъ стороны въ сторону, обходя опасныя мѣста, перепрыгивая черезъ трещины.

Но.... пройдетъ еще день, а можетъ быть нѣсколько часовъ и Волга пробудится отъ долгаго зимняго сна, сброситъ съ себя непригдядный покровъ и на ней снова воскреснетъ кипучая жизнь....

Страстная суббота.

Село Порѣчье, расположенное на возвышеніи лугового берега Волги, какъ и вся православная Русь, готовилось встрѣтить свѣтлый праздникъ, смотря по достатку,—кому какъ Богъ сулилъ. Всю тяготу „приготовленій“ несли на себѣ бабы; онѣ мыли, чистили, пекли, убирались. Мужики занимались больше тѣмъ, что „слонялись“ изъ угла въ уголъ, возбуждая негодованіе, а иногда и перебранку, бабъ. Впрочемъ, многіе изъ мужиковъ несказанно радовались, что можно уйти „отъ зла“, и подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ еще съ ранняго утра высыпали на берегъ въ ожиданіи интереснаго зрѣлища: съ минуты на минуту ожидали, что тронется Волга, а эта величественная картина, вѣчно старая, повторяющаяся изъ года въ годъ, останется вѣчно юной.

Теперь на берегу собралось чуть-ли не все наличное мужское населеніе Порѣчья; это населеніе такъ энергично галдѣло, что можно было подумать, что на берегу происходилъ сельскій сходъ, рѣшающій роковой вопросъ: быть или не быть кабаку....

— Ты погляди что дѣлатъ, что дѣлатъ, говорилъ одинъ изъ зрителей, смотря какъ какой-то мужиченка пробирался съ той стороны по льду.

— Ничего, успѣетъ еще, замѣчаетъ кто-то авторитетно,—не больно скоро тронется.

— Знамо, не скоро.

— Не скоро, не скоро, протестуетъ кто-то, передразнивая говорившаго,—ты перво-наперво смотри какова прибыль, ежели вода поднялась какъ слѣдуетъ въ свою линію, ну, значитъ и жди кажинную минуту.

— Вѣрно; глянька, какъ претъ, вонъ до прохоровой бани, почитай, дошла.

— О го-го-го, до прохоровой бани!

— Ну, теперича того и жди...

Между тѣмъ мужиченка, бѣжавшій по льду, достигъ почти берега, на который не могъ попасть: закраина была большая; онъ долго отчаянно кричалъ и махалъ руками, взывая о помощи, которая скоро и явилась въ лицѣ ботника.

А на берегу долго еще слышалось праздное галдѣнье.

Къ вечеру крупными хлопьями повалилъ мокрый снѣгъ.

Берегъ началъ мало-помалу пустѣть.

Въ избахъ заблестѣли огни. Заботливыя хозяйки старались спѣшно окончить праздничныя приготовленія, чтобы не опоздать къ заутрени; о снѣ въ эту пору никто не думалъ. Многіе уже, несмотря на раннюю пору, потянулись къ храму, что стоялъ на горкѣ посреди села, окруженный старыми березами.

При наступленіи сумерокъ „къ становой квартирѣ“ или къ „стану“, какъ говорятъ крестьяне, подъѣхала тройка, запряженная въ обыкновенныя почтовыя пошевни, изъ которыхъ вылѣзъ мужчина лѣтъ 35, и разбитой усталой походкой направился къ крыльцу. Это былъ мѣстный становой приставъ Степанъ Владиміровичъ Михалевъ; въ домѣ его радостно встрѣтила семья, состоящая изъ матери, жены и № 2-го. Подъ такимъ именемъ былъ извѣстенъ хорошенькій карапузъ лѣтъ 5, сынишка Михалева—Вася.

Лѣтъ шесть тому назадъ первый схоронилъ единственнаго сына, котораго тоже звали Василіемъ. Скоро Богъ далъ ему другого сына, котораго въ шутку кто-то назвалъ № 2; къ этому имени Васька такъ привыкъ, что серьезно обижался, если кто называлъ его настоящимъ именемъ.

Михалевъ, переступивъ порогъ, набожно перекрестился и радостно оглядѣлся. Знакомыя комнаты, которыя теперь выглядывали такъ уютно, блистали такой чистотой, а пасхальный столъ, красиво уставленный разными куличами, пасхами и разными соотвѣтствующими блюдами, что Михалевъ сразу забылъ и „тяжелыя обязанности, налагаемыя службой“ и то, что онъ еще часъ тому назадъ чуть не засѣлъ въ глубокомъ зажорѣ, на него сразу пахнуло внутреннимъ оживляющимъ тепломъ.

— Ну, славу Богу, что привелось свѣтлый праздникъ встрѣтить по христіански и дома.

И семья заранѣе торжествовала, а № 2 особенно энергично заявлялъ свою радость, бросаясь въ объятья къ отцу, и увѣряя, что онъ, № 2, приготовилъ папкѣ такое красное яичко, такое...

На этотъ разъ и на селѣ было спокойно и въ канцеляріи не ждало никакихъ донесеній о происшествіяхъ; „экстренно – нужно“, „весьма—нужное“, „арестантскіе“ и т. п. теперь отсутствовали.

Михалевъ вздохнулъ съ облегченнымъ сердцемъ, когда ему открылась перспектива встрѣтить свѣтлый праздникъ спокойно, среди своей семьи, которая жила необыкновенно дружно.

Степанъ Владиміровичъ Михалевъ былъ рѣдкій экземпляръ, случайно попавшій въ „сферу огня“, какъ онъ называлъ полицейскую службу.

Было время, и оно еще очень свѣжо сохранилось въ памяти Михалева, когда онъ мечталъ о лучшей жизни, о свѣтлыхъ идеалахъ, воспитанныхъ подъ кровлей гимназіи и университета, гдѣ онъ пробылъ что-то около двухъ лѣтъ.. Горькая дѣйствительность разбила эти идеалы: тяжелая борьба съ нуждой, которую онъ позналъ съ самаго ранняго дѣтства и съ которой боролся долгіе годы, совсѣмъ было доканала Михалева, когда онъ былъ уже въ университетѣ, загнавъ его въ больницу, гдѣ онъ маялся больше года. По выходѣ изъ больницы, онъ чуть не по шпаламъ добрался до „милой и дорогой родины“, гдѣ онъ засталъ мать полуумирающей съ голоду...

Начались поиски куска насущнаго хлѣба...

Послѣ безчисленныхъ мытарствъ и разныхъ тяжелыхъ испытаній, онъ занялъ должность, въ которой и застаетъ его нашъ разсказъ.

Всѣ, знавшіе Степана Владиміровича, любили его за „простоту душевную“, отзывчивость, доброе сердце. Начальство довольно благосклонно относилось къ нему, имѣя въ виду „ревностную службу“, но съ „душевной простотой“ только „мирилось“, находя, что сердечная доброта и т. п. качества мѣшаютъ ему держать станъ въ подобающемъ страхѣ.

Михалевъ также примирился съ своей долей, которую онъ называлъ тяжелой, но этотъ „миръ“ порою болѣзненно отзывался въ его душѣ...

Степанъ Владиміровичъ успѣлъ побывать въ канцеляріи, посмотрѣлъ что дѣлается въ арестантской, гдѣ къ его особенной радости не было ни одного арестованнаго, сходилъ въ баню, и теперь благодушествовалъ за чаемъ и газетой подъ аккомпаниментъ неумолкаемаго лепета № 2. Несмотря на усталость, онъ рѣшилъ дождаться заутрени, а потомъ уже, послѣ розговинъ—отдохнуть. Не менѣе благодушна чувствовала себя и вся семья. Даже старый вояка, сторожъ Михеичъ, собравшійся къ заутрени, выглядывалъ радостно и торжественно, нарядившись въ свой военный мундиръ съ ярко блестѣвшими регаліями.

— Слава Богу, ваше выс—родіе,—докладывалъ онъ приставу,—нонѣ у насъ и въ холодной ни единаго человѣка нѣтъ...

— Видѣлъ Михеичъ,—и хорошо, что нѣтъ.

— Такъ хорошо, ваше выс—родіе, что и сказать нельзя. Свѣтлый Христовъ праздникъ наступаетъ, всякая, можно сказать, песчинка радуется, а каково христіанской душѣ за желѣзной рѣшоткой?...

И Михеичъ тяжело, тяжело вздохнулъ.

Было уже около 10 часовъ вечера, когда вдругъ у воротъ становой квартиры послышались шумъ, крики, чьи-то негодующіе голоса, кто-то кричалъ: „въ арестантскую, въ арестантскую!“

Михалевъ даже вздрогнулъ, услышавъ эти крики, не обѣщающіе ничего утѣшительнаго; его разомъ охватило тревожное чувство при мысли: что сулитъ ему грядущее въ этотъ торжественный и святой вечеръ?

Немного погодя, къ нему вбѣжалъ Михеичъ, но теперь видъ его былъ растерянный и угнетенный.

— Несчастье, ваше выс—родіе, началъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, привезли... Сейчасъ привезли и прямо въ арестантскую... Я говорю: куда вы прете, вѣдь Великій Христовъ праздникъ наступаетъ, кажется всякая песчинка и то... а они заладили одно: а намъ куда его дѣвать?

— Да кого привезли? Кого?

— А Богъ же знаетъ... Нужно полагать бѣглый какой или странникъ,—все молчитъ, что его не спрашиваетъ урядникъ—все молчитъ, только, когда начали сажать въ арестантскую, онъ таково жалостиво смотритъ на всѣхъ, ажно слеза прошибаетъ, ваше выс—родіе, право слово; я такихъ жалостивыхъ и не видѣлъ.. Въ банѣ его взяли.

Степанъ Владиміровичъ, слушая Михеича, даже въ лицѣ измѣнился, такъ ему сдѣлалось вдругъ тяжело, и мирное благодушное настроеніе разомъ исчезло. «Господи, думалъ онъ, когда же кончится эта маята?... Вотъ пройдетъ часъ—другой, начнется благовѣстъ, возвѣщающій міру великое торжество Воскресенія Спасителя - праздникъ всепрощенія, любви къ ближнему, милосердія... А тутъ слезы, стоны, кандалы, тюрьма, человѣческія страданія ..»

Онъ сошелъ внизъ, гдѣ помѣщалась канцелярія; ожидавшій тутъ урядникъ ничего новаго не сообщилъ.

— Богомъ просилъ отпустить его и клялся, что онъ не сдѣлалъ никакого преступленія, а объяснить свое имя наотрѣзъ отказался; документовъ при немъ никакихъ не оказалось. Богъ его вѣдаетъ, кончилъ свой докладъ урядникъ,—можетъ быть и разбойникъ какой, въ душу къ нему не залѣзешь, а только по виду—больно плюгавый ..

Михалевъ взялъ ключъ и одинъ отправился въ арестантскую.

Тусклый свѣтъ лампочки слабо освѣщалъ фигуру арестанта, внѣшность котораго дѣйствительно нисколько не напоминала «разбойника», «каторжнаго», или т. п. Трудно сказать—сколько ему было лѣтъ,—можно было дать больше 50, а можетъ быть и сорока не было. Оборванный, исхудалый, изнеможенный, онъ имѣлъ крайне болѣзненный и жалкій видъ; впалыя щеки, широко раскрытые глаза, полныя лихорадочнаго блеска и страдальческаго выраженія,—все это скорѣе говорило за то, что заключенный—больной.

При входѣ пристава онъ какъ-то испуганно взглянулъ на него, хотѣлъ приподняться, но видимо не могъ этого сдѣлать. На всѣ вопросы, обращенные къ нему приставомъ, онъ ничего не отвѣчалъ, а только дрожалъ всѣмъ тѣломъ и тяжело дышалъ. Лицо его покрылось блѣдностью, а вдругъ потускнѣвшіе глаза выражали какое-то болѣзненное безъучастіе ко всему окружающему. Казалось, онъ хотѣлъ сказать: зачѣмъ безполезные разговоры, теперь ужъ все равно—поймали, значитъ, погибло дѣло,—зачѣмъ и себя безпокоить и меня пытать?...»

„Ни то совсѣмъ истрадавшійся,—думалъ въ эту минуту Степанъ Владиміровичъ, безнадежно смотря на арестанта,—ни то больной, ни то совсѣмъ помѣшанный...“

И онъ чувствовалъ, какъ что-то тяжелое, щемящее подступаетъ къ его сердцу.

— Да ты хоть скажи, еще разъ обратился онъ къ арестанту,—кто ты такой?..

— Можетъ быть ты больной, голоденъ...? Ежели ты здѣшній, то я отпущу тебя, вѣдь великій праздникъ Христовъ...

Арестантъ угрюмо молчалъ; въ глазахъ у него блеснулъ огонекъ, и Богъ-вѣсть, что эта была—радость, отчаяніе или злоба?...

И это молчаніе еще больше мучило Степана Владиміровича. Вышелъ онъ изъ арестантской и чувствовалъ, что у него точно камень на сердце легъ.

Много разныхъ видовъ видѣлъ онъ за время своей службы, много разъ болѣла у него душа при видѣ людскихъ страданій, съ которыми такъ тѣсно связана его служебная дѣятельность, но почему-то онъ никогда не чувствовалъ такъ тяжело, какъ теперь.

Онъ мучительно думалъ: „съ какимъ радостнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ православный людъ переживаетъ эти святые часы въ ожиданіи благовѣста, забывая вражду, злобу, испытанія, а тутъ рядомъ...“

И онъ снова вспомнилъ тюрьму, цѣпи, людскія страданія...

Онъ долго ходилъ по своей комнатѣ изъ угла въ уголъ съ видомъ человѣка, выслушившаго тяжелый приговоръ. Дѣтскій лепетъ № 2-го, который видѣлъ, что отецъ чѣмъ-то огорченъ, не вызвалъ на этотъ разъ обычной, ласковой улыбки.

— Ты, папа, здоровъ? продолжалъ онъ допрашивать отца.—А кого, папа, привезли въ арестантскую? Ты куда его отправишь—въ Сибирь? Онъ убилъ кого? Папа, папа, отчего ты молчишь? Вѣдь въ церковь скоро пойдемъ, мама и бабенька собираются, а ты?...

Степанъ Владиміровичъ подходилъ къ сыну, ласково гладилъ его по головѣ и снова продолжалъ ходить, останавливаясь на нѣсколько секундъ въ нерѣшительности и сосредоточенно смотря въ одну точку. Видимо, что въ его головѣ зрѣлъ какой-то планъ, который заставилъ на время позабыть о томъ, что, выходя изъ арестантской, онъ обѣщалъ послать за докторомъ и накормить арестанта. Наконецъ лицо его вдругъ прояснилось, на губахъ появилась улыбка. Онъ поспѣшно взялъ ключъ и, накинувъ пальто, снова направился въ арестантскую.

Арестантъ сидѣлъ, забившись въ дальній уголъ; печать страданія точно застыла на его лицѣ.

Схвативъ его за рукавъ, Степанъ Владиміровичъ заговорилъ быстро и нервно,

какъ будто онъ торопился куда и боялся опоздать.

— Иди, иди скорѣе... Наступаетъ Воскресеніе Спасителя, искупившаго людскіе грѣхи... Иди куда хочешь...

Арестантъ приподнялся и нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на пристава широко раскрытыми глазами, какъ будто видѣлъ передъ собой что-то сверхъестественное.

— Ваше благородіе,—скорѣе простопалъ, чѣмъ сказалъ, онъ,—неужто... вы... свободу?...

— Ступай, уходи скорѣе, только Богомъ прошу: не дѣлай никому зла...

— О, Господи!... снова глухо застоналъ арестантъ и съ судорожными рыданіями повалился въ ноги приставу.—Ваше благородіе,—продолжалъ онъ прерывающимся голосовъ,—видитъ Богъ, что я не сдѣлалъ никому зла... Не дождаться мнѣ Великаго праздника, ежели я что утаю отъ васъ...

Выслушайте меня, будьте милостивы... Я бѣглый... бѣглый поселенецъ изъ Сибири... Шесть лѣтъ тому назадъ я зажегъ овинъ сосѣда, который довелъ меня до сумы... Меня судили и сослали Тоска по родинѣ меня сокрушила... У меня дома остались жена и трое ребятишекъ... Пять мѣсяцевъ я въ бѣгахъ, а мнѣ только верстъ десять осталось дойти... Господи, какъ мнѣ хотѣлось скорѣе туда... Болѣзни и голодъ совсѣмъ измаяли меня... Я зашелъ въ баню погрѣться, тутъ и схватили меня... никто не узналъ...

— Ну, теперь ступай съ Богомъ,—и онъ молча сунулъ ему всю мелочь, какую нашелъ въ карманѣ,—да не забывай, что я просилъ тебя...

— Я вѣкъ не забуду, ваше благородіе, буду всю жизнь молиться... Теперь, Богъ приведетъ, я еще хоть разъ погляжу на своихъ дѣтокъ... и для меня можетъ хоть разъ въ жизни будетъ истинный свѣтлый Праздникъ.—Спаси васъ Христосъ!..

Онъ поспѣшно направился къ выходу и какъ только переступилъ порогъ, въ воздухѣ гулко пронесся первый ударъ колокола.

— Ваше благородіе, Христосъ воскресе! заговорилъ радостно арестантъ, набожно осѣняя себя широкимъ крестомъ.

— Воистину вескресъ! отвѣчалъ Степанъ Владиміровичъ, троекратно цѣлуясь съ нимъ.

И Михалевъ долго и неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотря, какъ тонетъ въ ночномъ мракѣ быстро удаляющаяся фигура арестанта, и лицо его было радостное, счастливое...

— Ваше благородіе,—раздалось еще разъ гдѣ-то вдали,—воистину Христосъ воскресъ!...

— Воистину!

И онъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, не замѣчая, какъ снѣгъ залепливалъ ему глаза и лицо, а на сердцѣ у него было такъ легко, легко...

Волжскій Странникъ.

ПРОРОЧЕСТВО О ХРАМѢ.

I.

Гордился каждый іудей
Святыней древнею своей—
Тѣмъ храмомъ пышнымъ и богатымъ,
Что въ ясный день и средь ночей
Въ вѣнцѣ сверкающихъ лучей
Блисталъ и мраморомъ, и златомъ.
Прохожій не сводилъ очей
Въ очарованіи пріятномъ
И грезамъ чуднымъ, непонятнымъ,
Бесѣдѣ съ Богомъ безъ рѣчей,
Какимъ-то сладостнымъ мечтамъ
Въ самозабвеніи отрадномъ
Невольно отдавался тамъ,
Гдѣ Адонай—Богъ сущій—самъ
Избралъ жилище на святой
Горѣ—высокой и крутой—
Въ Салимѣ—градѣ благодатномъ.

II.

Великолѣпный этотъ храмъ,
Не безъ причины у людей
Прослывшій новымъ чудомъ свѣта,
На удивленье всѣмъ вѣкамъ
Воздвигъ мудрѣйшій изъ царей,
По данному отцомъ завѣту
И, какъ посильную отплату,
За умъ, ниспосланный отъ Бога.
Богатыхъ украшеній много
Въ томъ храмѣ было. Соломонъ,
Порывомъ сердца озаренъ,
Сокровищъ не жалѣлъ своихъ;
Безъ счета цѣнныхъ приношеній,
Вещей, сосудовъ дорогихъ
Для храмовыхъ далъ украшеній.

III.

Построекъ цѣпью съ трехъ сторонъ
(Свободенъ былъ отъ нихъ фронтонъ)
Храмъ, какъ стѣной, былъ окруженъ.
Ворота, башенки сквозныя
И галлереи проходныя,
Гдѣ, какъ преданіе гласитъ,
Въ хануйотъ *), въ лишкатъ гаггазитъ
Шаммай, великій Гиллель самъ
Закона божьимъ словесамъ
Учили.. Много было преній
На счетъ талмуда изреченій
О праздникѣ святой субботы,
О роли божества въ природѣ,
О томъ, какъ ѣсть и сколько пить,
Какъ ненавидѣть и любить..

IV.

Рядъ портиковъ и низкихъ залъ,
Кладовыхъ для храненья цѣнныхъ
Сосудовъ и одеждъ священныхъ
Широкій дворъ въ себѣ вмѣщалъ.
Повсюду мраморныя плиты,
Сіяньемъ солнечнымъ облиты,
Пестрѣли нѣжными цвѣтами.
Колонны стройными рядами
Густой тѣснилися толпой.
Въ коринѳскомъ стилѣ капители—
Искусства и терпѣнья плодъ—
Какъ бы на воздухѣ висѣли,
Чуть-чуть поддерживая сводъ.
Подъ арками воротъ входныхъ,
Вкругъ виноградною лозой
Увитыхъ, гроздій золотыхъ
Пучки короною сплошной
Висѣли. Что внутри таилъ
Храмъ Соломоновъ,—описать
Не хватитъ у меня ни силъ,
Ни красокъ. Святости печать
Ревниво входы охраняла:
О томъ сказать могу я мало.

V.

Пластины толстыя златыя
Всѣ стѣны покрывали плотно.
И орнаменты вырѣзные
Работы тонкой, безподобной,
Мозаика, и арабески,
И кедръ, и кипарисъ пахучій,
И камней драгоцѣнныхъ кучи,
Накладки, кисти и привѣски,
„Опоны“ съ яркими цвѣтами,
Завѣсы, шитыя шелками,
Столы для хлѣбовъ и куреній,
„Ліано море“ мѣди чистой
Для повседневныхъ омовеній,
Рядъ семисвѣщниковъ вѣтвистыхъ
И жертвенникъ, гдѣ всесожженій
Пылали жертвы,—все блистало
Богатствомъ вкуса, матерьяла,
Своей высокою цѣной,
Работой тщательной рѣзной.

VI.

Могла издѣлія такія
Производить лишь Финикія.
Все это былъ достойный плодъ
Рукъ тѣхъ людей, что для работъ
Постройки и отдѣлки храма
Подъ предводительствомъ Хирама
Владыка Тира и Сидона
Прислалъ охотно Соломону.

VII.

Не выходилъ весь день изъ храма
Дымъ благовонный ѳиміама.
Хоръ псалмопѣвцевъ знаменитыхъ
Хвалы въ честь Бога воспѣвалъ.
Тимпаны, гусли и кимвалъ
Звучали тамъ, и трубъ, отлитыхъ
Изъ серебра, оркестръ гремѣлъ..
Сюда, забывъ про спѣшность дѣлъ,
Блюдя старинные законы,
Преданья древнихъ лѣтъ лелѣя
Три раза въ годъ шли іудеи:
Чтобъ Пасху ѣсть, или въ зеленыхъ
Суккотахъ—кущахъ обитать,
Иль въ день, когда чрезъ Моисея
Законовъ мудрыхъ благодать
Богъ захотѣлъ евреямъ дать,
Толпою пестрою сходились
И „Богу истины“ молились.

VIII.

Вѣка шли быстрою чредой.
Цари и царства умирали,
Или, обласканы судьбой,
Другія царства покоряли...
Не разъ тотъ знаменитый храмъ
Добычей яростнымъ врагамъ
Служилъ, и не единъ властитель
Дары слалъ въ Божію обитель...
Царь Иродъ долгіе велъ годы
Пристройки, башенки и арки
И щедрые давалъ подарки
Для храма, думая народа
Сердца привлечь... Лѣтъ сорокъ шесть
Онъ перестраивалъ и строилъ
Вновь. Дѣло до конца довесть
Его Господь не удостоилъ.

XI.

И вотъ сюда изъ Назарета,
Храня родителей завѣты,
Христосъ пришелъ на Пасху. Онъ,
Картиной торга возмущенъ,
Изъ дома Божьяго мѣнялъ
И торгашей бичемъ изгналъ.
Тогда сердитая орава
Крикъ подняла: „Какое право
Имѣешь намъ указъ давать
И храмъ отъ скверны очищать?
Себя прославь ты чудесами:
Яви намъ несомнѣнный знакъ,
Что власть имѣешь дѣлать такъ,
Какъ нынѣ поступилъ ты съ нами!“.

X.

„Разрушьте этотъ пышный храмъ,
Но я, на удивленье вамъ,
Могу въ три дня его опять
Въ томъ самомъ видѣ возсоздать!“
Учитель такъ сказалъ Великій
Толпѣ, сновавшей подлѣ храма.
И поднялися вопли, крики...
Разслышать можно въ дикомъ гамѣ:
„Онъ богохульствуетъ! Лишь Богъ
Такое сдѣлать можетъ дѣло!
Достоинъ смерти тотъ, кто могъ
Сказать такъ! Камни въ руки смѣло
Берите и того убьемъ,
Кто съ Богомъ хочетъ поравняться
И въ ослѣпленіи своемъ
Іеговой посмѣлъ назваться!“...

XI.

Спаситель кротко и спокойно
Глядѣлъ на нихъ, и этотъ взглядъ
Согрѣлъ ихъ ласкою любовной,
Разсѣялъ озлобленья чадъ,
Толпы гулъ усмирилъ нестройный.
Ушелъ Онъ, но толпы стоятъ,
Объяты думою глубокой...
И снова пронеслось: „Онъ святъ!
Въ немъ видѣть мы должны пророка!
Онъ можетъ уничтожить ядъ
Грѣховный, что волной широкой
Разлился по лицу земли
Отъ запада и до востока!“...
. . . .
И многіе за нимъ пошли...

XII.

Пророчество сбылось. Онъ самъ,
Исполненъ благости небесной,
Для разрушенья палачамъ
Отдать рѣшился храмъ тѣлесный.
Свершилось: на крестѣ распятый,
Въ тяжелыхъ мукахъ умеръ Онъ...
Земля вся, ужасомъ объята,
Дрожала...
Былъ Онъ погребенъ
И, какъ Владыка горнихъ силъ,
На третій день опять ожилъ.

И. В.

*) Палата четырехугольниковъ.

Въ ночь на Свѣтлый праздникъ.

(Разсказъ).

Иванъ Николаевичъ Слободской былъ богатый помѣщикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ имѣній въ одной изъ хлѣбородныхъ губерній. Имѣнія его находились въ разныхъ уѣздахъ; и одно, между прочимъ, было очень далеко отъ его постоянной резиденціи. Отъ этого имѣнія, какъ находящагося за глазами, ему захотѣлось отдѣлаться, и онъ рѣшилъ его продать, благо нашлись выгодные покупатели, въ лицѣ мѣстныхъ крестьянъ.

Въ концѣ великаго поста Иванъ Николаевичъ собрался ѣхать въ это имѣніе, чтобы заключить запродажную запись съ крестьянами и получить задатокъ. Зная, что ему придется везти оттуда порядочную сумму денегъ, Иванъ Николаевичъ долго думалъ, кого-бы ему взять съ собою въ качествѣ кучера. Хотя у него между служащими въ усадьбѣ и были порядочные люди, но деньги, вѣдь, такая соблазнительная вещь, что на нихъ хоть кто позарится. Наконецъ выборъ его остановился на башкирѣ Сулейманѣ, который служилъ у Ивана Николаевича болѣе пяти лѣтъ, былъ честный парень, любилъ своего барина, такъ какъ Слободской вырвалъ его изъ рукъ голодной смерти, когда семья Сулеймана умирала отъ голода въ своей кибиткѣ въ степи.

Это было зимой. Сильные бураны свирѣпствовали въ степи всю зиму. Подъ снѣгомъ похоронены были десятки тысячъ овецъ, множество богатыхъ башкиръ не только совершенно обѣднили, но и умирали съ голода. Кибитка Сулеймана почти опустѣла: мать и маленькіе братишки и сестренки уже умерли, кое-какъ боролись съ голодомъ отецъ и Сулейманъ. Иванъ Николаевичъ, случайно проѣзжавшій чрезъ степь изъ одного своего имѣнія, нечаянно наѣхалъ на кибитку Сулеймана и забралъ полумертвыхъ отъ голода башкиръ. Сулейману было тогда лѣтъ шестнадцать. Отецъ его теперь уже умеръ, а онъ съ тѣхъ поръ такъ и не покидалъ Слободского и былъ у него кучеромъ. Въ благодарность въ оказаніе отъ смерти Сулейманъ всей своей дикой душой привязался къ Ивану Николаевичу, называлъ его всегда „бачка бояръ“ и при всякой встрѣчѣ широкая скуластая физіономія его сіяла. Вотъ этого-то Сулеймана Иванъ Николаевичъ и взялъ съ собой кучеромъ.

Зная, что придется проѣхать очень большое разстояніе по мѣстамъ пустыннымъ и населеннымъ, Иванъ Николаевичъ, въ обезпеченіе себя отъ какой-либо опасности, захватилъ съ собой всякаго оружія: револьверъ положилъ въ карманъ шубы, топоръ велѣлъ Сулейману положить подъ облучекъ саней, а рядомъ съ собой подъ сидѣнье свою офицерскую шашку.

Въ имѣніе пріѣхали они благополучно. Покончивъ съ дѣлами и получивъ деньги, Иванъ Николаевичъ отправился обратно. Слободской радъ былъ, что покончилъ удачно и развязался съ давно уже надоѣвшимъ ему имѣніемъ, отъ котораго ничего, кромѣ убытку, никогда не получалъ, поэтому всю дорогу онъ былъ настроенъ весело. Съ Сулейманомъ онъ шутилъ.

— А что, Сулейманъ, если бы теперь на насъ напали разбойники, вѣдь ты, конечно, бросилъ бы и лошадей и меня и убѣжалъ бы?

— Нѣтъ, бачка бояръ, отвѣчалъ Сулейманъ, обижаясь,—зачѣмъ бѣжать.... одинъ башка кончалъ—другой башка кончалъ.. Топоръ есть, ножикъ есть...

— А что, если бы тебѣ столько денегъ дать. Ты вѣдь видѣлъ, сколько денегъ мужики мнѣ дали? что бы ты съ деньгами сдѣлалъ?

— И... бачка бояръ, якши, деньга!... Кибитка-бы завелъ, баранъ купилъ, коней... Онъ вздохнулъ, потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ. Бигайшу бы взялъ... Кибитка рядомъ былъ въ степи; Шакира былъ кибитка; у Шакира дѣвка былъ Бигайша... И—ихъ... дѣвка, якши дѣвка. Отецъ ходилъ... Шакиръ большой калымъ просилъ, а калымъ нѣтъ. Шакиръ богатый былъ. Мы голодомъ умиралъ, и Шакиръ верблюдъ ашалъ, намъ давалъ... Не знай... Бигайша чай ужъ въ свой кибитка живетъ: давно былъ.

Сулейманъ задумался. Всю остальную дорогу послѣ этого разговора онъ ѣхалъ опустивъ голову. Воспоминанія о привольной степной жизни гнѣздились въ его мозгу. Вотъ теперь скоро въ степи начнется жизнь. Степь оживетъ, зацвѣтетъ. Башкиры будутъ пасти свои гурты и табуны, будутъ скакать по степи, вдыхать ароматный, чистый степной воздухъ; будутъ пить кумысъ, ашать баранину,—а онъ, Сулейманъ, всего этого лишенъ. Нѣтъ у него свободы, нѣтъ воли. Единственное развлеченіе, которое онъ позволялъ себѣ потихоньку отъ барина и всей дворни, это иногда возьметъ изъ барскаго табуна лошадь и съ дикимъ гиканьемъ бѣшено поскачетъ по степи. Духъ захватываетъ отъ этой скачки, сердце то замираетъ, то усиленно бьется, готовое выскочить изъ груди, и Сулейманъ доволенъ: онъ воображаетъ, что онъ дикій башкиръ, скачетъ по необъятной степи, что онъ господинъ этой степи, и никто не смѣетъ запретить дѣлать, что ему хочется... Но онъ связанъ по рукамъ и ногамъ: во-первыхъ, онъ не хочетъ огорчить своего благодѣтеля уходомъ отъ него, а во-вторыхъ,—что принесетъ ему степь? Тамъ онъ долженъ наняться въ пастухи или работники къ какому-нибудь богатому башкиру, съ завистью смотрѣть, какъ хорошо будетъ жить его хозяинъ, и онъ долженъ ему униженно служить... Свою кибитку завести онъ не можетъ, жениться тоже, потому что нужно платить калымъ.

Иванъ Николаевичъ съ Сулейманомъ пріѣхали домой. Сулейманъ былъ мраченъ.

Слободской, вылѣзая изъ саней, велѣлъ Сулейману придти къ нему, какъ только отпряжетъ лошадей; онъ обѣщалъ дать ему водки. Живя среди русскихъ, башкиръ выучился пить водку и очень любилъ ее.

Поставивъ на мѣсто лошадей, Сулейманъ пришелъ въ кабинетъ къ Ивану Николаевичу и засталъ тотъ моментъ, когда его хозяинъ, вынувъ изъ бокового кармана объемистый бумажникъ, клалъ его въ ящикъ своего письменнаго стола.

Дрогнуло сердце Сулеймана, когда онъ увидѣлъ деньги и мѣсто, куда онѣ были положены. Получивъ водку, Сулейманъ ушелъ, косо поглядывая на письменный столъ.. Съ этого времени Сулейманъ подъ разными предлогами сталъ часто входить въ кабинетъ къ своему бояру. Что-то тянуло его туда. Иванъ Николаевичъ, конечно, не подозрѣвалъ цѣли этихъ посѣщеній.

Иванъ Николаевичъ въ усадьбѣ жилъ одинъ. Жена его жила зиму въ городѣ, гдѣ учился въ гимназіи ихъ сынъ. Усадьба была старинная; домъ громадный, со множествомъ отдѣленій для прислуги. Предки Слободского были очень богатые люди, они имѣли даже свою церковь, выстроенную въ саду, рядомъ съ усадьбой. Въ этой церкви въ большіе праздники приходскій причтъ совершалъ богослуженіе, а пасхальная заутреня и обѣдня испоконъ-вѣковъ служились въ барской церкви. Всѣ прихожане такъ привыкли къ этому, что никогда не претендовали на священника, который оставлялъ свою церковь и служилъ заутреню и обѣдню въ Свѣтлый праздникъ въ заштатной церкви.

Церковь обыкновенно къ празднику убиралась разноцвѣтными фонарями. Иванъ Николаевичъ давалъ много денегъ на украшенія; онъ устраивалъ и фейерверки съ бенгальскими огнями и съ смоляными бочками. Вся дворня съ вечера занята была украшеніемъ церкви.

Ивану Николаевичу что-то сильно въ послѣднее время не здоровилось. Онъ отпустилъ всю домовую прислугу къ свѣтлой заутрени, а самъ заперся и прилегъ на диванъ у себя въ кабинетѣ. Изъ усадьбы также всѣ ушли. Всѣмъ хотѣлось придти къ началу заутрени и поглядѣть на иллюминацію. Остался изъ дворни одинъ Сулейманъ, который, конечно, не принималъ никакого участія въ праздничныхъ приготовленіяхъ. Вся дворня замѣтила, что онъ въ послѣднее время сталъ задумчивъ, что-то неладное съ нимъ творилось. По ночамъ онъ надолго отлучался изъ людской избы, и никто не видалъ, куда онъ уходилъ. Только одинъ разъ караульщикъ замѣтилъ по свѣже-выпавшему снѣгу какіе-то слѣды, ведущіе отъ людской избы къ окнамъ барскаго кабинета и обратно; но и этому не придано было значенія и скоро позабыто. А, между тѣмъ, Сулейманъ дѣйствительно былъ не покоенъ: мучали его барскія деньги Такъ, кажется, и выхватилъ бы ихъ тогда изъ рукъ барина, когда онъ клалъ ихъ въ столъ. Убѣжалъ бы въ степи; ищи тогда вѣтра въ полѣ. Скрылся бы у кого нибудь въ кибиткѣ: свои не выдадутъ. Оглядѣлся бы мало-мало въ степи, а тамъ и кибитку бы свою завелъ, и барановъ, и ло-

шалей, а потомъ и Багайшу бы взялъ. Ну, а коли Багайша замужъ уже вышла, такъ и еще бы лучше нашелъ: калымъ не страшенъ, денегъ много далъ, хорошую бы дѣвку взялъ. Эти мысли не выходили изъ головы Сулеймана съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ деньги у барина. Онъ ходилъ къ окнамъ барскаго кабинета, высматривалъ, какъ удобнѣе туда пробраться; когда баринъ и домовая прислуга ложаться спать; когда и въ какихъ мѣстахъ ночью бываетъ караульщикъ.

Дворня ушла въ церковь. Оставшись одинъ, Сулейманъ пораженъ былъ мертвой тишиной. На дворѣ и въ домѣ—никого. Что можетъ быть благопріятнѣе? Всѣ ушли и придутъ не скоро. Можно далеко убѣжать, пока догадаются. Рѣшено: такого случая больше никогда не представится; онъ сейчасъ пойдетъ. Волненіе охватило его. Ну, какъ онъ натолкнется вдругъ на барина! А баринъ, конечно, не съ пустыми руками его встрѣтитъ. Чья возьметъ? Но онъ слыхалъ, что баринъ не здоровъ, значитъ, справиться съ нимъ легко. Кричать ему долго онъ не дастъ, да не скоро и услышатъ. Сулейманъ взялъ топоръ и пошелъ. А какъ онъ войдетъ въ домъ? вѣдь навѣрное вездѣ заперто. Онъ задумался. Потомъ, сообразивъ что то, онъ побѣжалъ въ конюшню, взялъ тамъ ведерко со смолой и вернулся въ людскую избу; оторвалъ отъ полотенца двѣ тряпки, намазалъ ихъ густо смолой и пошелъ къ барскому дому. Онъ пробрался въ садовую калитку, подошелъ къ окну, выходящему въ садъ изъ дѣвичьей комнаты, плотно приложилъ намазанную смолой тряпку къ стеклу и слегка стукнулъ обухомъ топора. Стекло треснуло, но звону не послѣдовало: значитъ, вышло удачно. Сулейманъ надавилъ стекло, оно подалось. Тоже онъ сдѣлалъ и съ другимъ стекломъ. Такимъ образомъ, онъ очистилъ себѣ путь, осторожно выломавъ стекла и тѣ части рамъ, которыя мѣшали ему свободно пролѣзть въ комнату...

Иванъ Николаевичъ ничего не могъ слышать изъ своего кабинета, такъ какъ дѣвичья была на другомъ концѣ дома, при томъ же онъ какъ только прилегъ на диванъ, такъ и задремалъ.

Сулейманъ осторожно пробирался по комнатамъ къ кабинету. Онъ крѣпко сжималъ топоръ руками. Сердце его билось усиленно, духъ захватывало. Нѣсколько разъ онъ останавливался въ раздумьѣ: идти дальше, или вернутся назадъ?... Но жажда свободной, привольной дикой жизни овладѣвала всѣмъ его существомъ, и онъ шелъ дальше. Вотъ онъ у кабинета. Оттуда слышно ровное громкое дыханіе Ивана Николаевича. Сулейманъ взглянулъ изъ-за косяка двери въ кабинетъ: прямо предъ нимъ письменный столъ, а въ немъ лежитъ куча денегъ. Одна минута, и онъ выхватитъ ихъ изъ стола, положитъ въ свой карманъ, и деньги будутъ его. Быстрымъ движеніемъ онъ бросился къ дивану. Вдругъ раздался громкій ударъ колокола. Сулейманъ вздрогнулъ; въ этотъ же моментъ Иванъ Николаевичъ открылъ глаза.

— Сулейманъ!... Закричалъ онъ раздирающимъ душу голосомъ.

Руки Сулеймана разжались, топоръ выпалъ изъ рукъ, самъ онъ упалъ на колѣни и зарыдалъ.

— Бачка бояръ, прости!, Закричалъ онъ. Прости! Ради Бога, прости!

Съ рыданіемъ онъ бился на полу и повторялъ только: „бачка бояръ, прости"!

Иванъ Николаевичъ схватилъ топоръ и бросилъ его подъ диванъ, боясь, чтобы Сулейманъ не вздумалъ теперь защищаться самъ, видя, что попался.

Но Сулейманъ не догадался бы схватить теперь никакого оружія, если бы предъ нимъ былъ его цѣлый арсеналъ. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и рыдалъ, припавъ къ полу головой, не смѣя поднять ее и взглянуть на Ивана Николаевича.

— Встань, Сулейманъ,—сказалъ Иванъ Николаевичъ.

— Не встану, бояръ, прости!... ради твой Христосъ, прости!...

— Я прощу тебя, ради Христа, прощу.

Сулейманъ поднялъ голову и радостнымъ взоромъ окинулъ Ивана Николаевича.

— Простишь? закричалъ онъ. Ради Христа, простишь?...

— Да, ради Христа, прощу. Иванъ Николаевичъ протянулъ ему руку. Сулейманъ схватилъ руку и началъ ее цѣловать.

— Никому не говори, какой большой грѣхъ дѣлалъ: убить тебя хотѣлъ, денга взять хотѣлъ... Кибитка купить, Багайша взять... Не надо денга, не надо Багайша.

— Хорошо, Сулейманъ, этого не случилось, и слава Богу. Не хорошо ты хотѣлъ сдѣлать, ну, да Христосъ тебя проститъ. Онъ добрый, Сулейманъ... Помолчавъ немного, Иванъ Николаевичъ сказалъ: вспомни, что помѣшало тебѣ убить меня?

— Вашъ мулла звонилъ, я испугался... Ты проснулся...

— Вотъ видишь, помѣшалъ тебѣ, значитъ, ударъ колокола. Это вѣдь, Сулейманъ, былъ голосъ Христовъ. Христосъ, зная, что ты хочешь совершить злое дѣло, испугалъ тебя Своимъ голосомъ. Онъ сказалъ тебѣ: „не хорошо ты дѣлаешь". Какъ ты думаешь, не хочетъ-ли Онъ тебя къ Себѣ призвать? Не хочетъ-ли Онъ, чтобы ты молился Ему, т. е. не хочетъ-ли Онъ, чтобы ты былъ христіаниномъ? Подумай объ этомъ, Сулейманъ, можетъ быть я тебѣ правду говорю.

— Правду, бачка бояръ, говоришь. Только я не знаю ваша вѣра,—учи меня твоя вѣра.

— Хорошо, Сулейманъ, я буду тебѣ объявлять, въ чемъ заключается наша вѣра... О твоемъ поступкѣ я никому не скажу. Ступай теперь успокойся.

Сулейманъ еще разъ поклонился въ ноги хозяину и еще выпросилъ прощенія и ушелъ...

Чрезъ нѣсколько времени Сулейманъ крестился. Крестнымъ отцомъ былъ Иванъ Николаевичъ, а матерью—жена священника.

Н. П—нъ.

ВОСКРЕСЕНІЕ.

Стихотвореніе въ прозѣ В. Шоофа.

Шумъ суетливаго дня затихъ...

Священный миръ спускается на дремлющую даль... Какъ сладкое предчувствіе любви и счастья, проносится его вѣяніе по зеленѣющимъ лугамъ и наливающимся почкамъ. Прогнаны тѣни долгой зимней ночи: новый духъ въ лучезарномъ свѣтѣ утренней зари рѣетъ по раскинувшейся въ истомѣ землѣ и утоляетъ страстную жажду свѣта и жизни. Жизнь ключомъ бьетъ изъ каждаго деревца, изъ каждаго куста. Куда ни взглянешь, вездѣ и всюду неудержимый порывъ къ жизни, воскресеніе природы...

Пасха!.. Воскресеніе!..

Какая-то своеобразная, чарующая прелесть въ этихъ словахъ. Все, что разрушила осень, все, что завяло и мертвымъ вернулось въ объятія земли, все, что было похоронено подъ льдомъ и снѣгомъ зимней ночи,—снова рвется къ свѣту новой жизни, когда въ пасхальное утро во всѣхъ странахъ прозвучитъ торжественный кликъ: „Воскресъ! Воскресъ!"

Пасха!.. День Воскресенія!..

Какой избытокъ блаженства приноситъ онъ истомившемуся за зиму сердцу человѣка! Какъ заря лучшаго, свѣтлаго будущаго, свѣтитъ онъ изъ глубины души; какъ теплый, живительный лучъ, пробивается изъ могильнаго мрака и все свѣтлѣе, побѣдніе скользитъ по землѣ, пробуждая съ манящей, чарующей силой къ новой жизни старые, давно уснувшіе ростки...

„Пасха!.. Воскресеніе!.."—тихо звучитъ въ душѣ. Рвется она въ чудную благовонную даль!.. Святая жажда истиннаго, чистаго мира, внутренней вѣчной весны переполняетъ ее. Она устала отъ вѣчной борьбы и раздоровъ. Ей хочется вырваться изъ мрачнаго омута жизни къ высшему, яркому Свѣту, развернуться вмѣстѣ съ наливающимися почками, всѣ свои порывы и стремленія слить съ порывами воскресающей природы, пробудить къ новой жизни дремлющіе въ ней ростки добра и все шире распускаться для благословенной, творческой дѣятельности. Ей хочется возстать отъ долгаго зимняго сна, какъ просыпается юная весенняя природа... Ей хочется...

Но... чу! Что за чудные звуки разлились въ тихо рѣющихъ волнахъ весенняго воздуха, такіе мягкіе, глубокіе, словно само счастье приходитъ изъ далекой, далекой страны, и вотъ оно все ближе, ближе...

Пасхальный звонъ!..

Какъ Божественный привѣтъ, проносится онъ по очарованному весеннему міру. Сладкій, невѣдомый, неземной миръ снисходитъ на бѣдную человѣческую душу, и чудится, что тысячи тысячъ ангеловъ въ бѣлоснѣжныхъ одѣяніяхъ и въ вѣнкахъ изъ яркихъ весеннихъ цвѣтовъ ударяютъ сегодня въ колокола и громко возвѣщаютъ всему міру:

«Христосъ воскресъ! Радуйтесь великому празднику, милыя дѣти земли!»

О, звучите дольше, дивныя пѣсни небесныя!

Казенная надобность.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

Въ субботу утромъ я получилъ бумагу, изъ которой узналъ, что по дѣлу, нетерпящему никакихъ отлагательствъ, я долженъ въ ту же минуту садиться въ убійственную почтовую трясучку и ѣхать на перекладныхъ примѣрно часовъ восемнадцать безъ передышки. Дѣло состояло въ томъ...

Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, не буду разсказывать—въ чемъ состояла «казенная надобность». Довольно и того, что я долженъ былъ разстаться съ моей мечтой провести дома субботу и пасхальную ночь и вмѣстѣ съ семьей сѣсть за традиціонный столъ, украшенный пасхальными яствами.

Эта была для меня настоящая обида, а жена плакала—молодая жена была у меня, господа!—но я сказалъ ей тѣмъ самымъ тономъ, какимъ была написана бумага:

— Казенная надобность, мой другъ! Весьма экстренно и безотлагательно.

И, замѣтивъ, что на нее это не произвело никакого впечатлѣнія, я тѣмъ не менѣе послалъ за почтовыми лошадьми. И я поѣхалъ, оставивъ дома уныніе, но не все, а прихвативъ его и съ собой въ достаточной мѣрѣ.

Дорога была скучная, какъ только можно вообразить. На поляхъ словно все вымерло. Даже птицы, какъ будто тоже собравшись въ своихъ гнѣздахъ встрѣчать Пасху, попадались очень рѣдко, да и то больше глупыя

галки и назойливые грачи. Всюду были разбросаны черныя, насвѣжо вспаханныя, нивы, но работа была брошена на половинѣ. Никто въ этотъ день не выѣхалъ въ поле. Нигдѣ не было видно ни души.

Мелькала мысль: хотя бы собака изъ сосѣдняго хутора пробѣжала мимо и залилась звонкимъ лаемъ. Но и собаки сидѣли по дворамъ. Онѣ тоже принимали участіе въ торжественномъ ожиданіи пасхальной ночи.

Наибольшее огорченіе я испытывалъ на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ приходилось мѣнять лошадей. Смотрители встрѣчали меня крайне недружелюбно.

— Не могли выбрать другого дня! мрачно ворчали они.

— Да что у васъ лошадей нѣту, что ли? спрашивалъ я.

— Лошадей-то? Лошадей сколько угодно-съ, а вотъ людей! Можно было бы пожалѣть ихъ. У людей праздникъ. Сами знаете, я думаю, —Пасха

Тогда я молча показывалъ имъ бумагу, они читали, и, такъ какъ сами тоже были казенные люди, тотчасъ же на нихъ производили свое дѣйствіе слова: весьма экстренно! безотлагательно".

И они входили въ мое положеніе. Важная казенная надобность покоряла ихъ, и они уже начали смотрѣть на меня, какъ на жертву.

— Чай, сами семью оставили? сочувственно говорили они.

— Понятно...

— О, Господи! вотъ она, служба-то.. А главное, вѣдь то, что и надобность то навѣрно сколько угодно ждать можетъ. Гдѣ я вамъ людей найду? Теперь всѣ они въ церковь ушли.

Но «казенная надобность»—магическія слова не только для смотрителя. но и для ямщиковъ, и люди находились. И я ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ...

А дорога становилась все болѣе унылой. Ямщики, обыкновенно любящіе балагурить или пѣть, молчали, какъ мертвые. Спросишь его о чемъ нибудь, онъ отвѣтитъ тебѣ кивкомъ головы.

Солнце зашло. По землѣ стлались сумерки. Проѣхали черезъ село, черезъ другое; на улицамъ тишина. Люди въ чистыхъ одеждахъ сидѣли на заваленкахъ, и всѣ какъ-то важно молчали, всѣ чего-то ждали, къ чему-то готовились.

Кабаки закрыты: около нихъ не слышно обычнаго шума и гвалта. А сумерки все густѣли, и вотъ уже наступила ночь, поздняя южная ночь, тихая, ясная, съ яркими частыми звѣздами, съ кудрявыми прозрачными облаками, серебрящими небеса, похожими на крылья херувима.

Въ хуторахъ и селахъ, изрѣдка попадавшихся по пути, замѣтны были огоньки и тихое, неспѣшное движеніе. Уже перевалило за полночь, когда мы подъѣхали къ почтовой станціи.

Въ домѣ свѣтъ, во дворѣ не видно ни души.

— Эй, кто тутъ есть! лошадей мнѣ! крикнулъ я, не слѣзая съ брички.

Въ отвѣтъ ни звука. Я схожу на землю и иду въ сѣни. Въ комнатѣ слышится глухая возня и раздается женскій голосъ.

— Кто-то пріѣхалъ! лошадей требуетъ.

— Да что онъ, татаринъ, что-ли? въ этакую-то ночь ѣздить вздумалъ! отвѣчаетъ мужчина. Привѣтствіе не обѣщаетъ для меня ничего хорошаго. Я инстинктивно ощупываю карманъ, въ которомъ лежатъ казенная бумага, мотивирующая мою жестокость, но тѣмъ не менѣе чувствую себя виноватымъ.

Я вошелъ въ комнату. Смотритель натягивалъ на себя сюртукъ съ казенными пуговицами. Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ на личнаго врага.

— Лошадей! лаконически промолвилъ я, видя уже заранѣе, что онъ не расположенъ обмѣниваться любезными словами.

— Гм... Откуда я вамъ возьму людей? У меня нѣтъ ни одного. Я не могу, не имѣю права держать ихъ! съ видимымъ раздраженіемъ въ голосѣ сказалъ смотритель,—теперь въ церкви заутреня идетъ, вотъ и я самъ съ женой собирался...

Я прибѣгнулъ къ единственному доводу и показалъ ему бумажку. Онъ прочелъ, пожалъ плечами, развелъ руками и замолкъ. Куда-то побѣжала горничная, въ другое мѣсто пошла жена. Словно по щучьему велѣнью для казенной надобности выкопали откуда-то ямщика, вывели лошадей, запрягли, и вотъ я опять ѣду.

— Ты въ церкви былъ? спрашиваю я ямщика, желая хоть любезнымъ тономъ искупить свою вину.

— А то гдѣ же? Я не турокъ какой нибудь! гдѣ же нынче можно быть, какъ не въ церкви?

Я умолкъ, не чувствуя въ себѣ больше силы распрашивать его и такимъ образомъ растравлять его раны. Вдругъ послышался легкій трескъ подъ колесомъ; повидимому, мы переѣхали сухую хворостину. Ямщикъ наклонился направо и пристально началъ смотрѣть внизъ.

— Что тамъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего. Я думалъ, ось треснула, либо колесо. Это ужъ непремѣнно что нибудь треснетъ; безъ это никакъ не обойдешься.

— Почему такъ?

— Да ужъ такъ... ѣзда въ такую ночь, какъ же можно безъ этого?.. Это даромъ не можетъ пройти... Ужъ непремѣнно что нибудь будетъ...

Странное дѣйствіе иногда производятъ слова. Я не видѣлъ никакой причинной связи между моей поѣздкой и необходимостью чтобы треснула ось или лопнула шина на колесѣ. А между тѣмъ съ этой минуты я уже не переставалъ дрожать, что-вотъ что нибудь случится и мы остановимся ночью среди поля.

— Что это за огни? спросилъ я у ямщика, указывая налѣво. Тамъ по степи, гдѣ, повидимому, не было даже дороги, подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ двигались, точно живые, разноцвѣтные огоньки. Они всѣ шли въ одномъ направленіи.

— Это хуторяне изъ церкви идутъ, изъ села... Со свѣчами... у кого фонарь, а кто такъ, изъ бумаги свернулъ... Это значитъ, обѣдня кончилась, народъ разговляться будетъ: какъ-то глухо и тяжеловато прибавилъ ямщикъ.

Я вспомнилъ, какъ я самъ въ дѣтствѣ ходилъ такимъ образомъ съ восковыми свѣчами послѣ пасхальной обѣдни, стараясь всѣми силами донести огонь до дому, и какое я испытывалъ торжество, если это удавалось.

Но огни исчезли. Дошли они до хутора, или просто мы въ непривычной ѣздѣ оставили ихъ далеко позади себя, такъ что они не были видны... Въ отдаленіи что то зачернѣло.

— Что это тамъ? спросилъ я ямщика.

— Такъ... Хуторъ... Луговки называются.

— Большой хуторъ?

— Дворовъ съ пятнадцать будетъ. Тутъ и мужики всѣ луговиками прозываются.

— Какъ такъ?

— Такъ, у всѣхъ одна фамилія... Всѣ, значитъ, отъ одного корня произошли.

Едва только я успѣлъ получить это объясненіе и въ то время, какъ собирался задать новый вопросъ, раздался сильный трескъ и произошло что-то непонятное. Почтовая трясучка закозыряла вправо, лошади вдругъ повернулись мордами къ ямщику и, спотыкаясь, бѣжали задомъ, я вылетѣлъ на землю, а ямщикъ сталъ на ноги и нѣкоторое время бѣжалъ, держа вожжи и крича лошадямъ:

— Тпрру!... Стойте! Не видете, что ли?

И наконецъ разомъ все остановилось: и лошади, и телѣга, и ямщикъ.

— Ну, вотъ оно и сталось! промолвилъ ямщикъ безъ особеннаго протеста и безъ малѣйшаго выраженія недовольства. Напротивъ, въ голосѣ его слышалось скорѣе удовлетвореніе. Очевидно, онъ полагалъ, что такъ именно и должно быть, съ минуты на минуту ждалъ этого.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я, съ трудомъ поднимаясь на ноги и отряхивая пыль съ одежды.

— Да ужъ безъ этого никакъ невозможно... Ось сломалась, вотъ и все. Чтобы въ такую ночь ѣздить и чтобы ничего не сломалось?.. Невозможно!

— Какъ же быть?

— А такъ и быть. Ужъ я и не знаю, какъ быть.

— Да она деревянная, что ли, ось-то?

— Какъ можно—деревянная! желѣзная! какъ есть желѣзная... Да ужъ тутъ неважно —деревянная, или желѣзная... Тутъ, будь она хоть стальная, все равно—должна сломаться, потому, какъ же можно ѣздить въ такую ночь? обязательно должна сломаться!

— Но ты говоришь, что тутъ хуторъ. Нѣтъ ли на хуторѣ кузнеца?

— Какъ нѣтъ!.. Кузнецъ есть... Я его знаю. Его зовутъ Петромъ... тоже Луговикъ.

— Ну, вотъ и отлично! значитъ, надо только туда добраться. Онъ намъ и починитъ ось.

Ямщикъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

— Добраться можно, только какой же это кузнецъ въ такое время ковать будетъ? Нѣтъ, такого кузнеца, я думаю, и на свѣтѣ нѣтъ...

— Ну, ладно, сказалъ я, уже нѣсколько раздраженнымъ тономъ, такъ какъ мнѣ начало надоѣдать его упорство.—Можетъ быть, и станетъ. Казенная надобность! подумалъ я, весьма экстренно, безотлагательно! Слова эти еще до тѣхъ поръ казались магическими.

Кое-какъ подвязали мы обломки телѣги и, идя рядомъ, потащились къ хутору. Мы остановились у самой крайней хаты. Въ ней было совершенно темно и нигдѣ не было видно ни души. Даже ни одной собаки не отыскалось, что было ужъ совсѣмъ странно для хутора, лежавшаго среди степи.

— Вотъ это и есть кузница! пояснилъ ямщикъ, указавъ мнѣ на длинный низенькій сарайчикъ, широкая дверь котораго была наглухо заперта.

Долго мы ходили кругомъ хаты и кузницы. Наконецъ, рѣшили оставить лошадей съ обломками телѣги и пройтись по хутору. Вездѣ, во всѣхъ хатахъ, было темно, и ни въ чемъ мы не нашли ни малѣйшаго проявленія жизни.

— Да гдѣ же они? почти съ негодованіемъ спрашивалъ я:—вымерли, что ли?

— Э, нѣтъ, не вымерли, спокойно отвѣчалъ мнѣ ямщикъ.

— Такъ въ церкви должно быть еще?

— Нѣтъ, и не въ церкви. Въ церкви уже кончилось. Видѣли съ огнями шли—это отъ обѣдни. А я знаю—гдѣ они: они всѣ у Захарія.

— У какого Захарія?

— У Захарія Луговика... Это самый старый изъ Луговиковъ... Вотъ глядите.

Мы какъ разъ въ это время вышли изъ-за угла хаты, и я видѣлъ вдали множество огней, слабо освѣщавшихъ какую-то многочисленную группу. Я не могъ сообразить—въ чемъ дѣло. Позади группы возвышался темный, только съ передней стороны освѣщенный, силуэтъ хаты, а кругомъ низенькій

заборъ изъ лозы. Ворота были раскрыты настежь.

— Что же это? спросилъ я.

— А это они трапезуютъ. Разговляются...

— Кто они?

— Хуторяне. Это все Луговики.

Я пожалъ плечами. Ямщикъ, съ тѣхъ поръ, какъ треснула ось, сдѣлавшійся и добродушнымъ и словоохотливымъ, пояснилъ;

— А это у нихъ такъ изстари ведется. На Пасху никто у нихъ въ хатахъ не готовитъ, а всѣ бабы у самаго старшаго Луговика сходятся и пасхи пекутъ и прочее. Ну, а какъ кончится обѣдня въ сосѣднемъ селѣ, тутъ въ трехъ верстахъ, такъ всѣ тутъ и сходятся хуторяне и разговляются..

Мы пошли по направленію къ огнямъ. Странно было, что попадавшіяся намъ по пути собаки не лаяли и не набрасывались на насъ. Таинственность пасхальной ночи, очевидно, сбила ихъ съ толку, онѣ потеряли главныя качества своего нрава и совсѣмъ присмирѣли. Мы приблизились къ хатѣ Захарія Луговика. Невидимые въ темнотѣ, мы ясно видѣли всю группу.

Мнѣ представилась картина, въ первую минуту показавшаяся мнѣ сказачной. Среди двора стояло нѣсколько длинныхъ столовъ, накрытыхъ бѣлыми скатертями, по краямъ —скамейки. На столахъ обильныя яства, обычныя пасхальныя яства, а на скамьяхъ —мужики, бабы и дѣти. Всѣхъ ихъ было десятка четыре. За среднимъ столомъ, на крайнемъ мѣстѣ, возсѣдалъ высокій плечистый старикъ съ длинной совершенно бѣлой бородой и съ космой густыхъ волосъ на головѣ. На столахъ горѣли свѣчи въ простыхъ стеклянныхъ фонаряхъ, какіе употребляются въ хозяйствѣ.

— Это вотъ и есть Захарія! тихонько объяснилъ мнѣ ямщикъ,—онъ самый старшій.

Я не слышалъ словъ, но по движенію губъ и по тихимъ равномѣрнымъ жестамъ догадался, что тамъ идетъ неторопливая мирная бесѣда. И я вдругъ почувствовалъ, что у меня разомъ пропало все рвеніе по поводу „казенной надобности". Мнѣ вспомнился и мой домъ, гдѣ теперь горѣли свѣчи, и жена, и мать, и сестра, и дядя и вся родня сидѣли за столомъ и грустно думали о томъ, что я въ это время мчусь на перекладныхъ, и мнѣ хотѣлось присоединиться къ этой группѣ и стать такимъ же Луговикомъ какъ они. И у меня въ это время въ головѣ не было мысли ни о бумагѣ, ни о сломанной оси, ни о кузницѣ.

Я не знаю, какъ это сдѣлалось. Мы постояли съ минуту, а потомъ мой ямщикъ изъ темноты перешелъ въ область свѣта, и, почтительно снявъ шапку, повелъ о чемъ то разговоръ съ Луговиками. Я все это видѣлъ, но не слышалъ словъ.

Старикъ поднялся и пошелъ въ мою сторону. Я съ своей стороны направился къ нему.

— Такъ милости же просимъ! сказалъ онъ, протягивая ко мнѣ руки.—Пожалуйте, будьте нашимъ гостемъ, у насъ на всѣхъ хватитъ! Христосъ Воскресе!

И мы съ ними трижды облобызались.

— Барину торопиться надобно, сказалъ мой ямщикъ—у нихъ казенная надобность...

— Э, возразилъ Захарія Луговикъ и при этомъ добродушно усмѣхнулся.—И казенная надобность подождетъ. Вѣдь она, надо полагать, тоже христіанка; я думаю, и у казенной надобности нынче Свѣтлое Христово Воскресеніе. Присаживайтесь, пане... Садись и ты, Прохоръ, прибавилъ онъ, обратившись къ ямщику,—нынче всѣ братья. Присаживайтесь, а тамъ, какъ Богъ дастъ, разговѣемся, и объ казенной надобности подумаемъ...

Мы сѣли. Прохоръ помѣстился у другого стола, а я рядомъ со старикомъ. У Прохора среди хуторянъ оказались знакомые,

— Чудно вамъ глядѣть на насъ! говорилъ мнѣ Захарія,—что мы всѣ за однимъ столомъ сидимъ. Это у насъ только одинъ разъ въ годъ бываетъ. Потому мы всѣ здѣсь одной семьи, всѣ Луговики. Въ обычное время мы и гнѣваемся и ссоримся, всякое бываетъ, а ужъ въ этотъ день всѣ за одинъ столъ садимся и всѣ какъ одинъ.. Это у насъ издавна ведется. Помню я, какъ покойный мой батько первый поселился въ этихъ мѣстахъ, —говорилъ Захарія и не только я, и всѣ остальные внимательно слушали его,—былъ онъ крѣпостнымъ человѣкомъ нашего пана Заблоцкаго... Усадьба Заблоцкихъ и теперь еще стоитъ въ селѣ... Да посчастливилось ему—и откупился онъ на волю и построилъ онъ себѣ хату... Тутъ въ прежнее время по бережку рѣчки нашей, Карповки, были заливные луга... Вотъ онъ и хату среди луговъ поставилъ... И съ того самаго его и звать стали—Луговикъ да Луговикъ... А по немъ и всѣхъ, кто отъ него произошелъ, Луговиками прозывали... Я тогда былъ маленькій, а только помню, какъ я въ ту пору на Свѣтлое Христово Воскресенье вся родня собиралась въ хатѣ и трапезовали и отъ батько моего стараго всѣ пошли, которые здѣсь сидятъ. Помаленьку къ его хатѣ новыя хаты пристраивались, а все на Свѣтлое Христово Воскресенье нигдѣ больше огней не зажигали, а только въ его хатѣ... А потомъ это ко мнѣ перешло... И луга наши давно исчезли, давнымъ давно распахали ихъ, а мы все Луговиками остались...

Звѣзды поблѣднѣли. Въ поляхъ яснѣе стали обозначаться межи между полосами вспаханной земли, зазеленѣла молодая трава. Утренній туманъ рѣдѣлъ и мало-по-малу совсѣмъ разсѣялся. А на востокѣ уже загорался розовый лучъ еще не виднаго, но уже близкаго и готоваго освѣтить землю, солнца.

Когда солнце взошло, трапеза была кончена. Луговики разошлись по домамъ. Захарія далъ мнѣ свою телѣгу, и мы, дружески простившись съ нимъ, поѣхали дальше.

Мнѣ остается прибавить, что когда я часа черезъ три пріѣхалъ на мѣсто, мнѣ стоило большихъ усилій отыскать казенную надобность, ради которой я пріѣхалъ. Люди, которые должны были мнѣ помогать, и слышать ничего не хотѣли о ней. Всѣ праздновали.

Кажется, я слишкомъ буквально понялъ предложеніе казенной бумаги, и тутъ оправдались слова Захарія Луговика, что и „казенная надобность" христіанка, и что и у ней тоже въ этотъ день было Свѣтлое Христово Воскресеніе".

(«Всем. Илл.»)

Пасхальные обычаи и повѣрья у славянъ.

Свѣтлый Христовъ праздникъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ является дѣйствительно свѣтлымъ, приноситъ съ собой живительное тепло и первые весенніе цвѣты, совпадаетъ съ разцвѣтомъ жизни во всей природѣ послѣ мертвеннаго зимняго оцѣпенѣнія. Въ этомъ переходѣ отъ мрака къ свѣту, отъ оцѣпенѣнія къ жизни, отъ безмолвія и снѣжнаго савана къ яркимъ краскамъ и радостнымъ голосамъ природы, въ этомъ бодрящемъ поворотѣ всѣхъ природныхъ явленій, совпадающемъ съ празднованіемъ Пасхи, славянскія страны имѣютъ большое преимущество предъ тѣми странами, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и неудивительно, что еще гораздо ранѣе, чѣмъ раздалось между славянами ученіе любви, проповѣдь евангельскихъ истинъ, у нихъ сложились издавна народные праздники, пріуроченные къ этому времени года. Введеніе христіанства, изгнавъ мрачный языческій элементъ изъ этихъ народныхъ празднествъ и повѣрій, очистивъ ихъ содержаніе отъ грубыхъ суевѣрій и дикихъ обрядовъ, пріурочило ихъ свѣтлые элементы къ празднованію Воскресенія Христова. Воспоминаніе объ этомъ евангельскомъ событіи—воскресеніи изъ мертвыхъ Сына Божія, проповѣдника любви и жизни вѣчной между людьми, совпадаетъ для насъ, такимъ образомъ, съ полнымъ обновленіемъ природы, съ наступленіемъ весенней поры, когда душа всякаго человѣка невольно настроена къ братской любви и свѣтлой радости,—и потому Пасха для славянъ представляетъ, дѣйствительно, „праздниковъ праздникъ".

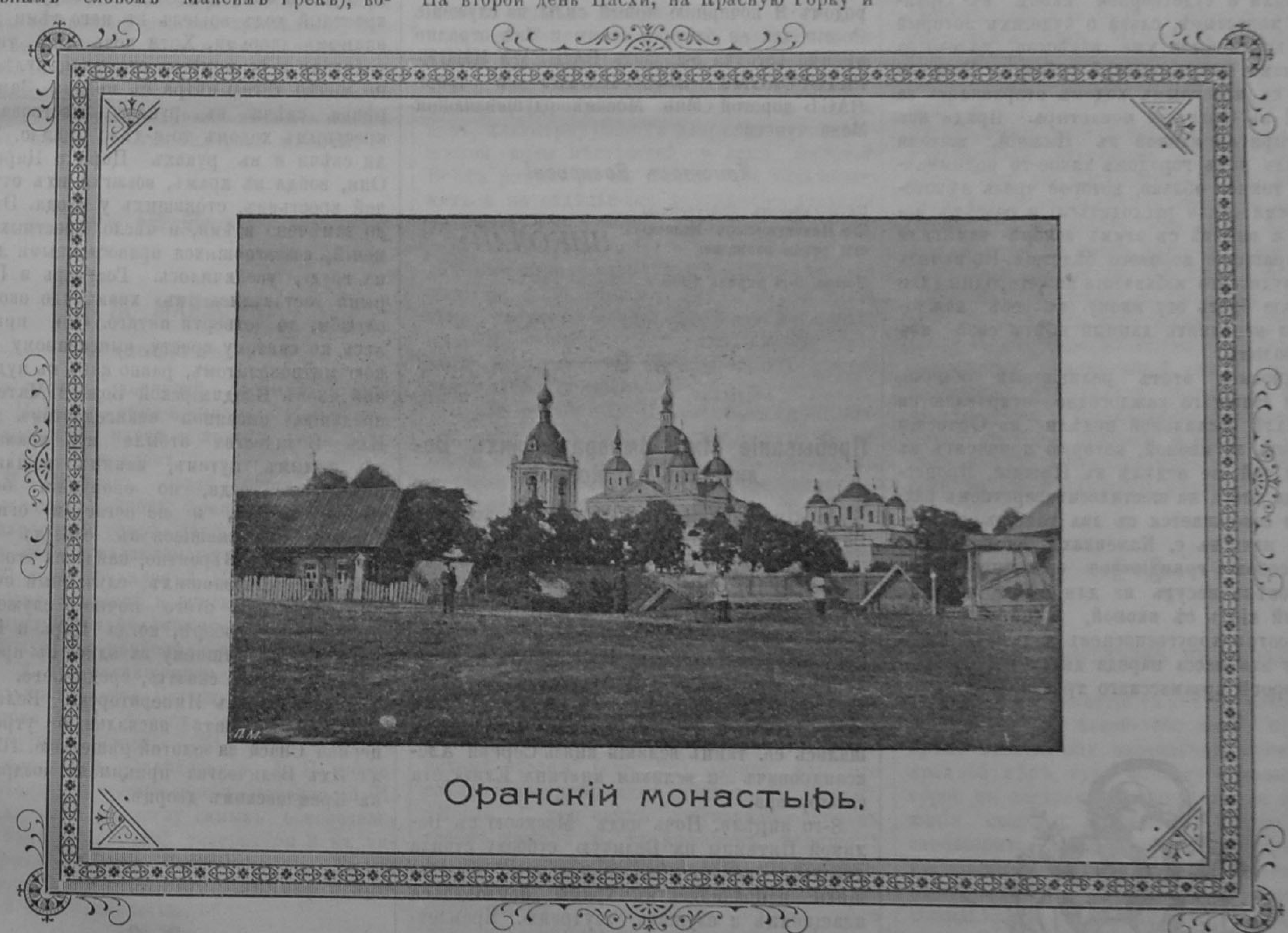
Уже со Срѣтенія, когда, по народному выраженію, зима встрѣчается съ лѣтомъ, „щобъ побороцця: кому йты напередъ, кому вертацця назадъ", а въ особенности со дня Благовѣщенія (когда лѣто „осиливаетъ зиму") начинается у славянъ распѣваніе „веснянокъ", сопровождаемое различными обрядами, въ которыхъ зима олицетворяется въ видѣ смерти, а воскресающая весна—въ видѣ богини Живы. Впослѣдствіи представленіе объ этой свѣтлой богинѣ слилось въ понятіи славянскихъ народовъ съ мыслью о пресвѣтломъ воскресеніи Праведнаго Солнца—Христа и весенніе обряды были пріурочены, главнымъ образомъ, къ страстной и пасхальной недѣлямъ. По славянскимъ повѣрьямъ, возвращающаяся весна разводитъ пламя небесныхъ грозъ, разитъ и гонитъ злобныхъ демоновъ, мертвящихъ природу, выводитъ изъ-за холодныхъ зимнихъ тумановъ и тучъ свѣтозарное солнце или вновь воспламеняетъ его свѣтильникъ и, пожигая снѣжное, ледяное царство зимы, топитъ ее въ стремительномъ разливѣ весеннихъ водъ. Соотвѣтственно такому повѣрью, наступленіе творческой дѣятельности богини Живы издревле обозначалось возжиганіемъ огней. По свидѣтельству Стоглава, раннимъ утромъ въ страстной четвергъ предки наши „палили солому и кликали мертвыхъ". На Руси день этотъ называется „чистымъ"; крестьяне на сѣверѣ ходятъ въ „чистые четвергъ" на проруби и выкликаютъ весну, а послѣ „всенощнаго стоянія" приносятъ изъ церкви горящія восковыя свѣчи и выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ своихъ домовъ кресты съ цѣлью отогнать злыхъ духовъ. По народному повѣрью, эта „страстная свѣча", будучи зажжена во время грозы, предохраняетъ домъ отъ громового удара; поставленная въ пчельникѣ, она даруетъ изобиліе меда, облегчаетъ трудно-больнымъ ихъ страданія и т. п. Сербы и чехи называютъ субботу на страстной недѣлѣ „бѣлою". Бѣлоруссы собираются къ заутрени на Свѣтлое Воскресеніе съ зажженными лучинами; въ великорусскихъ губерніяхъ и у чеховъ жгутъ въ эту ночь около храмовъ смоляныя бочки, а уголья отъ этихъ бочекъ приносятъ домой и затыкаютъ за стрѣхи, чтобы охранить хаты отъ грома, а домашній скотъ отъ порчи. Во многихъ мѣстахъ на Руси существуетъ повѣріе, что въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе, когда запоютъ въ церквахъ „Христосъ Воскресе!", въ лѣсныхъ чащахъ разверзается во всей красѣ дивный „Перуновъ цвѣтъ" (у хорватовъ „переново цвѣтје", у хорутанъ—„suncec", у великороссовъ—„свѣти цвѣтъ"), или папортникъ, который въ тотъ-же мигъ увядаетъ. Съ этой-же Великой ночью связана извѣстная украинская легенда о бѣднякѣ, который хотѣлъ затеплить свѣчу передъ иконами и, не найдя у себя въ печи огня, пошелъ въ поле

попросить его у чумаковъ, которые сидѣли у костра и варили себѣ кашу; чумаки нагребли „жару" руками и насыпали ему въ полу. Воротившись домой, онъ затеплилъ свѣчу, а „жаръ" высыпалъ на припечекъ; смотритъ—и глазамъ своимъ не вѣритъ: вмѣсто огня на припечкѣ явилась куча червоннаго золота..

Пасхальное утро у полабскихъ славянъ называется justroj, у лужичанъ jutry, т. е., утромъ, по преимуществу. По славянскому повѣрью, на разсвѣтѣ Свѣтлаго Воскресенья солнце отъ радости пляшетъ и играетъ; на Руси поэтому въ первый день Пасхи крестьяне взбираются на колокольни, крыши и пригорки смотрѣть на восходящее солнце. На первый день Пасхи, по народному повѣрью, отворяется свѣтлый рай и врата его остаются отверстыми во все продолженіе праздника, почему всякій, умирающій на этой недѣлѣ, считается святымъ,—душа его безпрепятственно входитъ въ селенія праведныхъ. Тогда-же открываются зарытые въ подземельяхъ драгоцѣнные клады и горятъ яркимъ пламенемъ (символическое изображеніе появленія золота солнечныхъ лучей изъ-за облаковъ и тумановъ, разсѣянныхъ весенними грозами). Чехи называютъ Святую недѣлю „червонными святками", а въ черниговской губерніи она слыветъ „гремяцкою". Съ мыслью объ отверстомъ раѣ тѣсно связаны два суевѣрныхъ вѣрованія: во-первыхъ, будто во все продолженіе пасхальной седмицы солнце не заходитъ и обращаетъ ее въ одинъ продолжительный день (противъ этого суевѣрія еще въ XVI вѣкѣ выступалъ съ обличительнымъ словомъ Максимъ Грекъ); во-вторыхъ, вѣрованіе, что именно въ эту благодатную пору земля получаетъ даръ плодородія отъ свѣтлыхъ боговъ, сходящихъ на землю. Вѣрованіе это, наслѣдственное отъ временъ язычества, въ христіанскую эпоху было перенесено на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ. По народнымъ разсказамъ, съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія Христосъ и апостолы странствуютъ по землѣ въ видѣ нищихъ, испытуютъ людское милосердіе, награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. Въ смоленской губерніи утверждаютъ, что Христосъ сходитъ на землю въ чистый четвергъ и потому для встрѣчи божественнаго гостя въ каждомъ домѣ къ этому дню приготовляютъ хлѣбъ, называемый „стульце". Въ бѣлорусскихъ деревняхъ на Свѣтлое воскресенье ходятъ по домамъ „волочебники" и поютъ обрядовыя пѣсни, славя святыхъ Юрія и Николу, что коровъ и коней „запасаютъ". Пречистую Дѣву, что засѣваетъ нивы, и Илью-пророка, зажинающаго колосистую рожь; всѣ освященныя на этотъ день явства украшаются зелеными цвѣтками брусники; къ такимъ явствамъ принадлежитъ и жареный барашекъ или поросенокъ, кости котораго частью зарываютъ на пашняхъ, съ цѣлью предохранить нивы отъ града, а частью держатъ въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, чтобы отвратить ударъ грома. Въ костромской губерніи и у лужичанъ въ обычаѣ передъ пасхальной заутреней всходить на колокольни и стрѣлять тамъ изъ пистолетовъ или ружей, что знаменуетъ собою весенній громъ, прогоняющій зиму. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ молодые парни и дѣвицы обливаютъ другъ друга ключевой водою — обрядъ, напоминающій сербскую Додолу и символически обозначающій плодотворный дождь (объ этомъ остаткѣ язычества упоминается въ Густинской лѣтописи). Въ великорусскихъ губерніяхъ на Красную Горку (въ воскресенье на Ѳоминой или „радуницкой" недѣлѣ), на разсвѣтѣ, сельскія дѣвушки собираются на ближайшій холмъ и становятся въ кругъ; одна изъ нихъ выступаетъ въ середину круга съ хлѣбомъ и краснымъ яичкомъ въ рукахъ и, обращаясь на востокъ, творитъ молитву, а послѣ молитвы "закликаетъ" весну: „Весна красна! на чемъ пришла, на чѣмъ пріѣхала? На сошечкѣ, на бороночкѣ" и т. д.; при этомъ поютъ и другія „веснянки". Въ калужской губерніи укрѣпляютъ при этомъ на пригоркѣ длинный шестъ съ соломенной куклой, которая вечеромъ сожигается съ пѣснями и плясками. Въ орловской губерніи поселяне на „радуницкой" недѣлѣ „прогоняютъ смерть" изъ своего села, для чего въ полночь дѣвушки выходятъ съ метлами и кочергами и, взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой „Мораною" и т. п.

Въ большинствѣ этихъ повѣрій и обычаевъ побѣда весны надъ зимою олицетворяется въ видѣ торжества свѣтлаго начала надъ темнымъ, а во многихъ изъ нихъ проглядываетъ христіанское чувство любви къ ближнему, столь хорошо согласующееся съ „братскимъ цѣлованіемъ", или „христосованіемъ".

Оранскій монастырь.

ОРАНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Въ субботу, 15-го апрѣля, въ Нижній-Новгородъ будетъ принесена икона Оранской Божіей Матери. Въ виду значенія для нижегородцевъ этого событія, совершающагося вотъ уже другое столѣтіе, не лишнимъ будетъ возобновить въ памяти исторію его возникновенія.

Когда наше отечество имѣло еще только зачатки духовно—нравственнаго развитія, и когда племена: мордва, чуваши, черемисы и другіе инородцы, встрѣчающіеся въ нижегородской губерніи и во многихъ мѣстахъ Россіи, были идолопоклонниками—монастыри или духовныя общины того времени были несомнѣнно первыми двигателями развитія въ этомъ народѣ православной религіи.

Монастыри эти устраивались въ большинствѣ случаевъ, по иниціативѣ частныхъ лицъ, или по обѣщанію, или по какому-нибудь частному случаю, отмѣченному тѣмъ лицомъ, или поборникомъ и ревнителемъ православія. Въ этомъ же духѣ принимало много мѣръ и правительство. Послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны и годъ вступленія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны были памятными годами въ исторіи просвѣщенія нижегородскихъ иновѣрцевъ. Такъ, въ 1740 г. по именному указу, для просвѣщенія мордвы, чувашъ и черемисъ выбраны были въ казанской губ. 30 молодыхъ людей, знающихъ языки тѣхъ племенъ, и посланы, въ качествѣ священнослужителей, просвѣщать словомъ истины евангельской идолопоклонниковъ нижегородской и казанской губерній.

Но были еще ревнители православія по призванію, которые своимъ примѣромъ и трудами принесли много пользы въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ христіанство. Таковъ былъ нижегородскій помѣщикъ Петръ Андреевичъ Гладковъ и Ѳедоръ Догада, мордвинъ арзамасскаго у., дворцовой ясашной волости, деревни Камкинской. Первый изъ нихъ и построилъ церковь въ 1634 году—Оранскій Богородицкій мужской монастырь. Мы не будемъ излагать дальнѣйшей исторіи монастыря, а перейдемъ къ исторіи установившагося обычая принесенія иконы Оранской Божіей Матери въ Нижній.

Въ 1771 г. въ Нижнемъ появилась моровая язва, истреблявшая ежедневно сотни людей. Ничто не помогало прекращенію бѣдствія. Не видя никакого исхода, нижегородцы вспомнили о чудотворной иконѣ въ Оранскомъ монастырѣ, слава о чудесахъ который въ то время была уже извѣстна далеко за предѣлами нижегородской губерніи. Нижегородцы съ крестнымъ ходомъ отправились за иконой въ Оранскій монастырь. Придя изъ монастыря съ иконой въ Нижній, жители замѣтили надъ городомъ какое-то поднимавшееся темное облако, которое чрезъ нѣкоторое время стало расходиться и совсѣмъ исчезло, а вмѣстѣ съ этимъ вскорѣ замѣтили и прекращеніе моровой бѣдствія. Въ память этого чудеснаго избавленія нижегородцы дали обѣщаніе брать эту икону къ себѣ каждогодно и исполнять данный обѣтъ свой изъ роды родовъ.

Установивъ этотъ религіозный обычай, жители Нижняго каждогодно отправляются въ началѣ пасхальной недѣли въ Оранскій монастырь за иконой, которую приносятъ въ субботу той же недѣлѣ въ Нижній. Процессія хода этого на шестидеситиверстномъ разстояніи совершается въ два дня, съ остановкой на ночь въ с. Каменкахъ и представляетъ собою грандіозное зрѣлище: болѣе 40 человѣкъ несутъ на длинныхъ шестахъ тяжелый кіотъ съ иконой, а по сторонамъ идутъ сотни хоругвеносцевъ и тысячи народа. Вся эта масса народа двигается по большой дорогѣ арзамасскаго тракта.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный

на имя Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора Великаго Князя Сергія Александровича.

Ваше Императорское Высочество.

Горячее желаніе **Мое** и **Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны** провести съ Дѣтьми **Нашими** дни Страстной недѣли, удостоиться пріобщенія Святыхъ Таинъ и встрѣтить Праздниковъ Праздникъ въ Москвѣ, среди величайшихъ народныхъ Святынь, подъ сѣнію многовѣковаго Кремля, милостью Божіею осуществилось.

Здѣсь, гдѣ нетлѣнно почиваютъ угодившіе Богу Святители, среди гробницъ вѣнценосныхъ собирателей и строителей Земли Русской, въ колыбели Самодержавія, усиленно возносятся молитвы къ Царю царствующихъ, и тихая радость наполняетъ душу въ общеніи съ притекающими въ храмы вѣрными чадами нашей возлюбленной Церкви.

Да услышитъ Господь эти молитвы; да подкрѣпитъ вѣрующихъ, да удержитъ колеблющихся, да возсоединитъ отторгнувшихся и да благословитъ Россійскую Державу, прочно покоящуюся на незыблемой истинѣ Православія, свято хранящаго вселенскую правду любви и мира.

Въ молитвенномъ единеніи съ **Моимъ** народомъ **Я** почерпаю новыя силы на служеніе Россіи для ея блага и славы и **Мнѣ** отрадно именно сегодня выразить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ и чрезъ ВАСЪ дорогой **Мнѣ** Москвѣ одушевляющія **Меня** чувства.

Христосъ Воскресе!

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *„НИКОЛАЙ“*

Москва, 9-го апрѣля 1900 г.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.

На страстной недѣлѣ Ихъ Императорскія Величества изволили говѣть и ежедневно присутствовать на утреннемъ и вечернемъ богослуженіи, которое совершалось въ кремлевскихъ церквахъ. 6-го апрѣля въ церкви Рождества Богородицы во время божественной литургіи Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими дѣтьми сподобились пріобщиться св. Христовыхъ таинъ. Вмѣстѣ съ Ихъ Величествами пріобщались св. таинъ великій князь Сергѣй Александровичъ и великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна.

8-го апрѣля. Ночь надъ Москвою съ Великой Пятницы на Великую субботу стояла довольно ясная, и многочисленные молельщики направились въ храмы поклониться плащаницѣ и слушать заутреню. Кремлевскій Успенскій соборъ былъ полонъ народа, но площадь вокругъ кремлевскихъ Святынь пуста. Въ соборѣ служилъ высокопреосвященный митрополитъ Владиміръ. Совершенно неожиданно для всѣхъ, въ самомъ началѣ богослуженія, около 2½ часовъ ночи, открылись западныя двери собора и въ храмъ вошли Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества. Строгій чинъ церковнаго служенія шелъ нерушимо своимъ, установленнымъ вѣками, порядкомъ, но по многочисленной толпѣ молельщиковъ пронесся радостный шепотъ и отовсюду слышались слова: „Царь, Государь, Царица“. Ихъ Величества стали у патріаршаго мѣста. Около четверти четвертаго, при возглашеніи митрополитомъ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ», въ разверзтыя Царскія врата, въ предшествіи владыки, многочисленное духовенство вышло изъ алтаря, направилось къ плащаницѣ и, обойдя ее, остановилось посреди собора. Ихъ Величества опустились предъ плащаницею на колѣни, земно поклонились и приложились къ ней. Сотни молившихся послѣдовали примѣру Государеву и тоже преклонили колѣна. По окончаніи поклоненія плащаницѣ, митрополитъ снялъ митру и, возложивъ на голову Евангеліе, ожидалъ подъема плащаницы. Ставъ подъ плащаницу, несомую четырьмя старѣйшими изъ сослужавшихъ ему, владыка прослѣдовалъ подъ нею въ алтарь. Плащаница обнесена вокругъ Престола трижды при пѣніи: «Святый Боже, Святый Крѣпкій»; за все это время Ихъ Величества съ колѣнъ не поднимались. Плащаница была вынесена изъ алтаря сѣверными вратами, и торжественный крестный ходъ направился къ западнымъ дверямъ собора и вышелъ на площадь. Непосредственно за плащаницею шли Ихъ Величества и Ихъ Высочества. Толпа народная, соблюдавшая полное благоговѣніе и порядокъ, слѣдовала за ними, съ горящими въ рукахъ свѣчами. Обойдя вокругъ собора, крестный ходъ вошелъ въ него тѣми же западными дверьми. Хотя ночь была тихая и холодная и термометръ стоялъ на нулѣ, тѣмъ не менѣе тягою вѣтра съ низины Замоскворѣчья свѣчи въ рукахъ шествовавшихъ крестнымъ ходомъ то-и-дѣло гасило. Погасли свѣчи и въ рукахъ Царя и Царицы, и Они, войдя въ храмъ, возжгли ихъ отъ свѣчей крестьянъ, стоявшихъ у входа. Это было замѣчено всѣми, и число крестныхъ знаменій, возлагавшихся православными людьми на грудь, увеличилось. Государь и Государыня оставались въ храмѣ до окончанія службы, до четверти пятаго. Они приложились ко святому кресту, вынесенному владыкою митрополитомъ, равно какъ къ чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери, по преданію, писанной евангелистомъ Лукою. Ихъ Величества отбыли изъ храма тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ вошли. Зашевелился тогда, по окончаніи богослуженія, народъ, и не погасали огни церковные, отражавшіеся въ слезахъ сотенъ богомольцевъ. Вѣроятно, найдется кто-нибудь изъ присутствовавшихъ, случайный счастливый свидѣтель этого ночного служенія въ Успенскомъ соборѣ, когда Царь и Царица молились Всевышнему за одно съ простымъ народомъ, такъ сказать, среди него.

9 апрѣля Ихъ Императорскія Величества изволили слушать пасхальную утреню въ церкви Спаса за золотой рѣшеткою. 10 апрѣля Ихъ Величества принимали поздравленія въ Кремлевскомъ дворцѣ.

ХРОНИКА.

9-го апрѣля, въ день св. Пасхи, утреню въ каѳедральномъ соборѣ и раннюю литургію совершалъ преосвященный епископъ нижегородскій Владиміръ, соборне съ старшимъ городскимъ духовенствомъ. Соборъ былъ переполненъ молящимися. За божественной службой находились—г. начальникъ губерніи генералъ-лейтенантъ П. Ф. Унтербергеръ, вице-губернаторъ баронъ К. П. Фредериксъ, и. д. городского головы И. В. Богоявленскій, представители военнаго и гражданскихъ вѣдомствъ.

По окончаніи ранней литургіи, около 4 часовъ утра, представители города и другихъ вѣдомствъ, а также именитые граждане города, отправились изъ собора во дворецъ, для принесенія поздравленій г. начальнику губерніи, у котораго состоялось розговѣнье для приглашенныхъ лицъ. У входа въ большой залъ, гдѣ были сервированы столы съ пасхами и закусками, прибывавшихъ лицъ встрѣчалъ его превосходительство. На розговѣніи у г. губернатора присутствовалъ преосвященный Владиміръ, прибывшій прямо изъ собора. Съѣздъ былъ довольно большой. Въ исходѣ 5-го часа гости стали разъѣзжаться.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, къ празднику Св. Пасхи состоялась подписка въ пользу бѣдныхъ, взамѣнъ праздничныхъ визитовъ. Подписка дала по 8 апрѣля около 900 руб.

Департаментъ земледѣлія сообщилъ, что оказать субсидію или выдать ссуду изобрѣтателю жатвенной машины крестьянину Осокину не признано возможнымъ, впредь до испытанія жнейки на полѣ. Для испытанія уполномоченному по сельско-хозяйственной части, г. Садовень, поручено заказать изобрѣтателю нѣсколько экземпляровъ жнейки.

Л. Н. МАЙКОВЪ.

(некрологъ)

7-го апрѣля скончался Леонидъ Николаевичъ Майковъ, вице-президентъ Императорской академіи наукъ и авторъ ряда крупныхъ ученыхъ трудовъ.

Л. Н. Майковъ, братъ поэта Аполлона Николаевича Майкова, принадлежитъ къ высоко-даровитой семьѣ, давшей нашему отечеству немало талантливыхъ дѣятелей. Почти 40 лѣтъ трудился Л. Н. на учено-литературномъ поприщѣ и снискалъ себѣ своими замѣчательными трудами почетную извѣстность. Массѣ публики наиболѣе извѣстно изслѣдованіе Л. Н., посвященное обзору жизни и дѣятельности поэта Батюшкова. До появленія труда Л. Н., у насъ господствовали самыя смутныя понятія объ этомъ поэтѣ, и лишь благодаря изслѣдованію Л. Н. значеніе Батюшкова установлено и выяснено. Л. Н. принадлежалъ къ числу самыхъ основательныхъ знатоковъ нашей литературы и къ числу прилежнѣйшихъ библіографовъ. Труды его отличаются строгой ученостью и примѣрной объективностью.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. М. Никольскій, докторъ зоологіи. Лѣтнія поѣздки натуралиста. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб., Невскій, 42. 1900 г. Цѣна 2 р.

Товарищество „Знаніе“ предприняло изданіе иллюстрированной библіотеки: „Естествознаніе и Географія“, первымъ выпускомъ которой является книга приватъ-доцента с.-петербургскаго университета А. М. Никольскаго: „Лѣтнія поѣздки натуралиста“. Это очень интересное, живо написанное путешествіе, изобилующее этнографическими данными и свѣдѣніями изъ естественной исторіи. Книга раздѣлена на четыре, одна другой лучше, статьи: 1) „Въ Туркестанѣ“. 2) „На Ледовитомъ океанѣ“. 3) „Въ сѣверной Персіи“ и 4) „На Сахалинѣ“.

Въ первой статьѣ А. М. Никольскій знакомитъ съ пустынями Туркестана, съ ихъ чахлой фауной и флорой, барханами (песчаными холмиками, разсѣянными по пустынѣ), съ рѣкой Аму-Дарья, „кораблемъ пустыни“—верблюдомъ, съ ея обитателями туркменами, киргизами и проч. народами, съ ихъ нравами и обычаями. Во второй статьѣ онъ рисуетъ намъ Ледовитый океанъ съ его обитателями, съ поморами и ихъ промыслами. Въ третьей—разсказываетъ о своемъ путешествіи, по когда-то богатой Персіи, а теперь приходящей въ упадокъ отъ разныхъ внутреннихъ правительственныхъ, глав. образомъ, неурядицъ. Въ четвертой—авторъ изображаетъ Сахалинъ во всей его непривлекательности: холодъ, постоянные туманы, кругомъ бушующій океанъ, разсказываетъ о туземцахъ и нашихъ ссыльно-каторжныхъ.

Все это написано живымъ языкомъ и читается съ захватывающимъ интересомъ, который еще болѣе усиливается отъ многочисленныхъ, прекрасно выполненныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ флору данныхъ мѣстностей, виды мѣстностей и типы жителей. Всѣхъ рисунковъ въ текстѣ—сто пятьдесятъ пять и на отдѣльныхъ таблицахъ—двадцать четыре.

Не загромождая своего повѣствованія различными излишними спеціальными подробностями, А. М. Никольскій тѣмъ не менѣе даетъ читателю ясное представленіе о тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ описываетъ такъ живо, картинно, что, начавъ читать, трудно оторваться отъ чтенія.

Книга д-ра А. М. Никольскаго, кромѣ знаній, развиваетъ еще любовь къ природѣ, которою проникнутъ самъ авторъ, почему мы желаемъ ей самаго широкаго распространенія среди читающей публики, а въ особенности среди учащагося молодого поколѣнія, которому чтеніе этой прекрасной книги принесетъ, кромѣ истиннаго наслажденія, громаднѣйшую пользу въ цѣляхъ ознакомленія съ роднымъ для него отечествомъ.

Отмѣтимъ любопытныя подробности въ очеркахъ д-ра А. М. Никольскаго. Въ своихъ путешествіяхъ ему и его спутникамъ случалось испытать приключенія спеціальнаго характера. Такъ, во второй статьѣ: „На Ледовитомъ океанѣ“ (стр. 78) одного изъ его спутникомъ прибрежные приняли за „чорта“. „Когда Г. при свѣтѣ полуночной зари въ своемъ кожанѣ и въ кожаномъ капишонѣ на головѣ, самъ черный и весь въ черномъ, бродилъ по пустынной отмели моря и, согнувшись въ три погибели, шарилъ подъ камнями (различныхъ животныхъ и насѣкомыхъ для своей научной коллекціи), суевѣрные ловцы приняли его... За кого-бы, вы думали, приняли они нашего добрѣйшаго Г.? Ловцы признали въ немъ ни болѣе, ни менѣе какъ чорта; какъ впослѣдствіи мы догадались,—одного изъ тѣхъ чертей, которые нарисованы на стѣнахъ Соловецкаго монастыря въ картинѣ „Мученія грѣшниковъ“. „Провались ты, окаянная сила! Что ты бродишь по ночамъ“!—кричали рыбаки по адресу Г., и „окаянная сила“, обезкураженная этимъ привѣтствіемъ, поплелась домой“. Вотъ еще насколько теменъ нашъ народъ!

Въ Архангельскѣ, часть экспедиціи А. М. Никольскаго, принятая населеніемъ за шарманщиковъ, была приглашена городовымъ въ участокъ за неимѣніе надлежащаго свидѣтельства о правѣ развлекать публику игрою на шарманкахъ, за которыя были приняты жестянки для растеній и насѣкомыхъ (стр. 86). По возвращеніи же изъ Персіи, гдѣ А. М. Никольскій путешествовалъ благополучно безъ всякаго паспорта, былъ арестованъ начальникомъ пограничнаго русскаго поста по подозрѣнію въ томъ, что онъ англійскій шпіонъ (стр. 178).

Какъ видно изъ всего этого, ученыхъ путешественниковъ принимаютъ за кого угодно, только не за то, что они на самомъ дѣлѣ. Ученыя экспедиціи и экскурсіи у насъ такъ рѣдки и потому-то русскіе такъ мало знаютъ свою родину. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ случаи вродѣ тѣхъ, о которыхъ сообщаетъ д-ръ А. М. Никольскій. Какой-то иностранецъ пробовалъ увѣрить наше правительство, что киты вредятъ рыболовству въ Ледовитомъ океанѣ, такъ какъ истребляютъ и распугиваютъ рыбу „мойву“, которая служитъ для рыбопромышленниковъ „наживкой“. „На этомъ основаніи, говоритъ А. М. Никольскій (стр. 101), одинъ благодѣтельный иностранецъ сдѣлалъ нашему правительству предложеніе, которое, по его словамъ, должно было осчастливить рыбопромышленниковъ Мурманскаго побережья. Онъ обѣщалъ въ теченіи 15 лѣтъ уничтожить всѣхъ нашихъ китовъ; въ вознагражденіе за эту услугу онъ про илъ нѣкоторыхъ, правда, очень солидныхъ правъ, напр., права пользоваться казеннымъ лѣсомъ, землей и проч. Хотя это предложеніе носило всѣ признаки беззастѣнчиваго покушенія на грабежъ, однако, Богъ знаетъ, чѣмъ оно кончилось бы, если бы не нашъ знатокъ сѣвера Сидоровъ. Онъ первый на всю Россію закричалъ „караулъ“ и доказалъ, что киты сами по себѣ составляютъ такое богатство, уничтоженіе котораго было бы безуміемъ, тѣмъ болѣе, что вредъ, причиняемый ими рыбопромышленности, существуетъ только въ фантазіи иностранцевъ“. Предложеніе иностранца, конечно, не было принято. А какъ бы смѣялся надъ русскими предпріимчивый иностранецъ, если бы это предпріятіе удалось!

Война англичанъ съ бурами.

Отсутствіе извѣстій съ театра войны едва-ли объяснимо какой-либо иной причиной, кромѣ наступленія пасхальнаго времени. По крайней мѣрѣ, судя по тому положенію, которое въ настоящее время заняли обѣ воюющія стороны, рѣшительно ничего нельзя заподозрить. Въ ближайшемъ будущемъ не предвидится пока ничего серьезнаго. Съ одной стороны, попытка буровъ напасть у Эландслаагте на первый флангъ арміи генерала Буллера не повела ни къ какому результату; съ другой—на главной квартирѣ ген. Робертса не окончены работы по обмундированію и подкрѣпленію войска, что необходимо для дальнѣйшаго движенія ген. Робертса на сѣверъ; наконецъ, лордъ Мэтуэнъ стоитъ лагеремъ къ востоку отъ Босго-

фа у Цвартскопфонтейна,—въ пунктѣ, очень удобномъ для наблюденія за восточной частью театра войны. Судьба Вепенера еще не рѣшена; осаждающіе продолжають стоять около него, но незамѣтно со стороны буровъ никакого намѣренія основаться здѣсь на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. 13-го апрѣля (новаго стиля) въ страстную пятницу, подъ Вепенеромъ шелъ бой, длившійся до 10 часовъ вечера, и даже 14-го слышались орудійные выстрѣлы. Несомнѣнно, что эти два дня убавили численность англійскаго гарнизона. Корреспондентъ „Times'а" телеграфируетъ отъ 15 апрѣля изъ Блемфонтейна: „Отрядъ буровъ съ 60 повозками, направляющійся на помощь къ Вепенеру, находится у Диветсдорпа. И, повидимому, здѣсь, у Диветсдорпа, буры будутъ ожидать англичанъ". Что касается генерала Брабанта, неизвѣстно почему отошедшаго къ Аливальнорту при приближеніи отряда ген. Оливье, не попытавшись задержать его, то онъ въ настоящее время также высказываетъ намѣреніе итти на помощь осажденнымъ въ Вепенерѣ. Это вытекаетъ изъ того, что 14 апрѣля онъ распорядился о перенесеніи своего штаба обратно въ Руксвилль, оставленный бурами, ушедшими въ Вепенеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ССУДНАЯ КАССА Л. Н. ТРИФОНОВОЙ

симъ извѣщаетъ, что *въ воскресенье 30-го апрѣля* 1900 г., съ 10 час. утра, имѣетъ быть аукціонная продажа просроченныхъ залоговъ, заложенныхъ въ теченіи *сентября* мѣсяца 1899 г. и ранѣе №№ залоговъ, подлежащихъ продажѣ, (свыше 20 руб.), слѣдующіе: 8039, 14452, 15949, 17290, 137, 244, 4089, 4090, 4091, 4575, 4669, 8105, 9146, 9150, 10406, 10495, 10883, 10884, 11857, 14406, 14407, 15914, 15963, 16039, 16349, 16495, 16688, 16919, 17278, 17290, 17665, 18276, 18425, 18432, 18433, 18434, 18435, 18639, 180, 195, 305, 390, 418, 419, 489, 539, 640, 641, 656, 734, 736, 798, 830, 865, 869, 875, 883, 959, 971, 988, 1019, 1030, 1051, 1052, 1086, 1100, 1128, 1160, 1671, 1184, 1193, 1202, 1203, 1204, 1215, 1269, 1273, 1278, 1361, 1458, 1540, и покорнѣйше проситъ гг. залогодателей, какъ вышеозначенныхъ, такъ равно и всѣхъ ссудъ (ниже 20 руб.), заложенныхъ въ указанное время, внести %% и возобновить свои билеты.

Л. Н. Трифонова.

ПРИГЛАШАЮТСЯ
ПЕРЕПЛЕТНЫЕ МАСТЕРА
ВЪ ГУБЕРНСКУЮ ТИПОГРАФІЮ.

5% заемъ города Нижняго-Новгорода въ 650000 р. нарицательныхъ, выпуска 1895 года.

Нижегородская Городская Управа произвела 1-го апрѣля 1900 года **пятый тиражъ** облигацій названнаго займа.

Вышедшія въ сей тиражъ облигаціи оплачиваются, начиная съ 1-го іюля 1900 года, въ **Нижегородской Городской Управѣ**, въ **Московскомъ Купеческомъ банкѣ и въ Петербургской конторѣ этого банка.**

Облигаціи, вышедшія въ тиражъ, должны имѣть при себѣ купоны, срокъ коимъ истекаетъ послѣ 1-го іюля 1900 года; **въ противномъ случаѣ сумма недостающихъ купоновъ будетъ удержана изъ капитала, подлежащаго уплатѣ.**

Нумера облигацій, вышедшихъ въ тиражъ:

Въ 100 рублей.	Въ 500 рублей.	Въ 1000 рублей
332, 729, 1044, 1204, 1265, 1313, 1403, 1405, 1420, 1592, 1663, 1664, 1696, 1827, 1878, 2102, 2190, 2204, 2353, 2519, 2553, 2801, 2912, 3047, 3111, 3297, 3331, 3590, 3919, 3989, 3992, 4181, 4241, 4342.	85, 89, 148, 164, 184.	68, 85.

5% заемъ города Нижняго-Новгорода въ 650000 рублей нарицательныхъ, выпуска 1895 года.

Нумера облигацій, **вышедшихъ въ прежніе тиражи** и не предъявленныхъ къ оплатѣ до 1-го апрѣля 1900 года.

Теченіе процентовъ по симъ облигаціямъ прекратилось со сроковъ, указанныхъ въ столбцахъ, непосредственно слѣдующихъ за столбцомъ съ нумерами. Проценты, полученные по купонамъ послѣ сихъ сроковъ, **будутъ удержаны изъ капитала.**

№№ облигацій въ 100 руб.	Теченіе %% прекратилось съ		
	Числ.	Мѣсяцъ.	Годъ.
653	1	Іюль	1897
3136, 3826	1	Іюль	1898
153, 361, 688, 2714, 2956, 3058, 3157, 3925	1	Іюля	1899

Нижегородская Городская Управа.

ВЫШЕЛЪ НОВЫЙ ВЕСЕННІЙ ВЫПУСКЪ
ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ
ПО РИСУНКАМЪ
Ея Императорскаго Высочества ЕВГЕНІИ МАКСИМИЛІАНОВНЫ ПРИНЦЕССЫ ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ
и художниковъ: А. Н. Бенуа, Е. П. Самокишъ-Сутковской, С. С. Соломко и др.

конверты КРАСНАГО КРЕСТА
ВМѢСТО ВИЗИТОВЪ
по рисункамъ профессора СУЛТАНОВА, академика СУСЛОВА и художника ПРАХОВА.

Имѣются въ продажѣ прежніе выпуски открытыхъ писемъ Краснаго Креста. Всѣ коллекціи (43 рисунка)—3 рубля. При выпискѣ на 5 рубл. скидка 25%; выписывающіе на 10 рублей за пересылку не платятъ.

Продаются въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста (Инженерная, 9) и въ лучшихъ писчебумажныхъ и эстампныхъ магазинахъ; въ г. Москвѣ у Аванцо, Даціаро, Мюра и Мерелиза и Печковской.

Складъ въ СПБ. Попечительномъ Комитетѣ о Сестрахъ Краснаго Креста (Пески, Старорусская, 3).

Открытые письма и конверты имѣются въ Канцеляріи Нижегородскаго мѣстнаго Управленія О-ва Краснаго Креста у Бухгалтера Н. И. Гусева (Контора Губернской Земской Больницы, на Жуковской улицѣ.).

Для ознакомленія
съ содержаніемъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО журнала
ПРИРОДА и ЛЮДИ
и ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ безплатн. приложеніями
ВЪ ТЕЧЕНІИ 1-го мѣсяца **за 50 коп.** будетъ ВЫСЛАНО
(можно высылать почтовыми марками)
4 №№ журнала ПРИРОДА и ЛЮДИ
1 кн. БИБЛІОТЕКА РОМАНОВЪ
(ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА СУШѢ И НА МОРѢ)
1 вып. ВСЕМІРН. ПУТЕШЕСТВЕН.
(въ котор. печат. полное путешествіе Н. М. Пржевальскаго)

Подписная цѣна за годъ ПЯТЬ руб. безъ дост. въ СПБ., съ дост. въ СПБ. и пересылкой по всей Россіи ШЕСТЬ руб.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА подписной платы.
При подпискѣ **высланные 50 копѣекъ БУДУТЪ ЗАЧТЕНЫ** въ уплату.

Адресъ редакціи:
С.-Петербургъ, Стремянная улица, 12, собственный домъ.
Ред. *Ф. Груздевъ.* Изд. *П. Сойкинъ*

3|3

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
„РОССІЯ"
учрежденное въ 1881 г.
въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.

Основной и запасные капиталы свыше 38.000,000, руб.

Общества заключаетъ:

Страхованія жизни,

т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданаго для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ общества.

Къ 1 января 1899 г. въ Обществѣ „Россія" было застраховано **60,258** лицъ, на капиталъ въ **134,891,890** руб.

Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ

какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ; страхованія пассажировъ пожизненныя, годичныя или на меньшіе сроки.

Страхованія отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строеній, машинъ, товаровъ, мебели и проч.).

Страхованія транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ отъ всякаго рода опасностей и взрыва паровыхъ котловъ.

Страхованія стеколъ

отъ излома и разбитія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собствен. д., № 37), агентомъ Общества Е. П. Нордгренъ въ г. Ниж.-Новгородѣ, Рождественская ул., пассажъ Блиновыхъ и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ заключаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

0—9

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
„СОЧИНЕНІЯ"
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
(12) Двѣнадцать книгъ въ годъ большого формата (12)
Органъ независимой мысли.

Стихотворенія, разсказы, повѣсти, романы, критическія статьи, художественно-философскіе этюды, литературныя обозрѣнія, біографіи, библіографическія замѣтки, сочиненія русскихъ писателей и ихъ портреты.

Журналъ имѣетъ въ виду серьезнаго читателя съ жаждой широкаго міросозерцанія и ищущаго основъ для него.

Журналъ отвѣтитъ, въ рядѣ художественныхъ очерковъ и статей, на всѣ злобы, волнующія духъ, и по возможности явится маякомъ для читателя, окруженнаго туманами некрасно сложившейся жизни.

Сжатый и отбросившій ненужный балластъ, журналъ каждою книжкою своею будетъ являть собою образецъ оригинальной мысли, облеченной въ красивую форму.

Будучи строгимъ и серьезнымъ, журналъ, тѣмъ не менѣе, будетъ общедоступенъ по изложенію и языку; идеалъ его подобенъ солнцу, объединяющему и примиряющему людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ и направленій

Но журналъ общедоступенъ и по цѣнѣ.

За 12 книжекъ, изданныхъ роскошно, назначена самая маленькая цѣна—всего **ТРИ РУБЛЯ** въ годъ съ пересылкою и доставкою.

Разсрочка не допускается. **Иногородняя подписка принимается** въ С.-Петербургѣ, Головинская, соб. домъ, 9, ред. ежемѣсячнаго журнала: **„СОЧИНЕНІЯ".** Городская—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова, Александрійская площадь, д. № 5—7.

Съ первой книжки въ журналѣ начнется романъ **І. І. ЯСИНСКАГО.**

„ПЕРВОЕ МАРТА 1881 г."

3—3 Редакторъ-Издатель І. І. Ясинскій. (Независимый).

СЧЕТЪ
ПРИБЫЛЕЙ и УБЫТКОВЪ
Арзамасскаго Городского Общественнаго Банка Подсосова и Заяшниковой
ЗА 1899 ГОДЪ.

1) Израсходовано:		
На содержаніе и управленіе Банка Р. . .		5891 65
2) Выдано и отчислено:		
Процентовъ вкладчикамъ . . .	„ 42803 49	
На покрытіе протестованныхъ векселей, нотаріальныхъ и судебныхъ по нимъ издержекъ .	„ 2969 90	
Процентовъ по операціямъ, поступающихъ въ прибыли 1900 г.	„ 7556 40	
На благотворительные расходы и пособіе Арзамасской Общественной Богадѣльни . .	„ 5526 11	
		58555 90
3) Прибыль за 1899 г. распредѣлена:		
На уплату % сбора съ прибылей Банка за 1899 годъ .	„ 729 95	
На умноженіе основного капитала	„ 3190 59	
— — запаснаго — .	„ 2392 92	
— благотворительныя надобности	„ 3190 59	
Въ городскіе доходы . .	„ 3190 59	
		12694 64
ИТОГО Р. С. .		77142 19

1) Прибыли за 1898 годъ, распредѣленной:		
На уплату процентовъ вкладчикамъ	Р. 24327 36	
— благотворительные расходы	„ 4035 78	
		28363 14
2) Получено прибыли за 1899 годъ:		
По учету векселей . . .	„ 26265 21	
— ссудамъ подъ % бумаги .	„ 3662 16	
— ссудамъ подъ недвижимыя имущества . . .	„ 1169 23	
— ссудамъ подъ цѣнныя вещи	„ 71 91	
— ссудамъ, выданнымъ городу Арзамасу . . .	„ 36 00	
Процентовъ на процентныя бумаги Банка	„ 6421 08	
Разныхъ прибылей по операціямъ	„ 2406 73	
Сборъ въ пользу Общественной Богадѣльни . . .	„ 1190 33	
		41222 65
3) Процентовъ по учетной и ссудной операціямъ слѣдующихъ за 1900 годъ .		7556 40
ИТОГО Р. С. .		77142 19

БАЛАНСЪ
Арзамасскаго Городского Общественнаго Банка Подсосова и Заяшниковой
на 1 Января 1900 года.

ИМѢЕТЪ.

I. Касса (Государственные кредитные билеты и размѣнная монета) . . Р.	44234 30	
II. Текущій счетъ въ Волжско-Камскомъ Комерческомъ Банкѣ	„ 500 00	
		44734 30
III. Процентныя бумаги:		
а) Запаснаго капитал. Банка	„ 74046 00	
б) Благотвор. капитал. Банка	„ 4300 00	
в) Пріобрѣтенныя на оборотныя средства Банка .	„ 66630 20	
г) Пріобрѣтенныя для помѣщенія вѣчныхъ вкладовъ	„ 1950 00	
		146926 20
IV. Учтенные торговые векселя:		
а) Состоящіе въ портфелѣ Банка . . . Р.	340782 22	
б) На комиссіи въ Волжско-Камскомъ Коммерческомъ Банкѣ . . .	„ 22578 76	
		363360 98
V. Ссуды подъ движимые залоги:		
а) Государственныя Правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги .	„ 55680 00	
б) Цѣнныя вещи . . .	„ 770 00	
		56450 00
VI. Ссдуы подъ недвижимыя имущества:		
а) Земли въ Нижегородской губерніи . . .	„ 1150 00	
б) Строенія въ г. Арзамасѣ .	„ 13430 00	
		14580 00
VII. Долги:		
а) Просроченныя ссуды, обезпеченныя движимыми имуществами (гарантированныя Правительств. процент. бумагами) . .	„ 7960 00	
б) Недвижимыя имущества, поступившія въ собственность Банка по безуспѣшности торговъ . .	„ 1000 00	
в) Уплаченный въ Казначейство 5% сборъ съ % на вклады . . .	„ 147 09	
		9107 09
VIII. Расходы за счетъ третьихъ лицъ, подлежащіе возврату . . . „		828 87
ИТОГО Р. С. .		635987 44

ДОЛЖЕНЪ.

I. Капиталъ Банка:		
а) Основной . . . Р.	147237 69	
б) Запасный . . .	„ 76498 19	
		223735 88
II. Благотворительныя средства Банка:		
а) Капиталъ, пожертвованный разными лицами . . Р.	4300 00	
б) Проценты на % бумаги сего капитала . . .	„ 304 31	
в) Суммы, отчисленныя изъ прибылей Банка на благотворительные расходы .	„ 3190 59	
		7794 90
III. Вклады вѣчные:		
а) На основаніи Положенія о Банкахъ 1862 года . Р.	136629 00	
— — 1883 „ .	1950 00	
		138579 00
VI. Вклады:		
а) Срочные до 3 л. изъ $3^1/_2$% Р.	11320 00	
б) отъ 3 до 12 „ „ 4% „	97423 00	
в) „ 3 „ 12 „ „ $4^1/_2$% „	39585 00	
г) „ 3 „ 12 „ „ 5% „	14700 00	
д) „ 3 „ 12 „ „ $5^1/_2$% „	39015 00	
е) До востребованія 3% „	31282 00	
ж) Сберегательной кассы . „	257 73	
		233582 73
V. Проценты, подлежащіе уплатѣ вкладчикамъ . . Р. . . .		18588 03
VI. Проценты по операціямъ, поступающіе на 1900 г. . „ . . .		7556 40
VII. Суммы, отчисленныя изъ прибылей Банка въ пользу городскихъ доходовъ . „ . . .		3190 59
% сборъ съ прибылей Банка за 1899 годъ въ пользу казны . . . „ . . .		729 95
VIII. Суммы случайныя, переходныя, принадлежащія мѣстамъ и лицамъ . . „ . . .		2229 96
ИТОГО Р. С. .		635987 44

Директоръ *Н. Подсосовъ.*
Товарищи Директора: { *М. Курьяновъ.* *Н. Фирфаровъ.*
Бухгалтеръ *Өеоктистовъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИЖЕГОРОДСКИХЪ ГУБ. ВѢДОМОСТЕЙ".

Съ 1-го января 1900 года неоффиціальная часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей" будетъ выходить еженедѣльно по такой-же обширной программѣ, какъ это было въ прошломъ 99 году. Въ эту программу войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи по мѣстнымъ, общественнымъ, а также педагогическимъ, экономическимъ, санитарно-гигіеническимъ и др. вопросамъ.
2) Телеграммы (выдающіяся по своему содержанію) Россійскаго Телеграфнаго Агентства.
3) Вѣсти изъ столицъ.
4) Хроника городской, ярмарочной и губернской жизни.
5) Театральныя замѣтки.
6) Корреспонденціи.
7) Изъ газетъ и журналовъ.
8) Новости науки, литературы и искусства.
9) Фельетонъ: беллетристическія произведенія въ прозѣ и стихахъ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя произведенія, этнографическіе и историческіе очерки; научный фельетонъ и проч.
10) Иностранныя извѣстія.
11) Полезныя свѣдѣнія.
12) Смѣсь.
13) Справочный отдѣлъ.
14) Иллюстраціи.
15) Объявленія и рекламы.

„Нижегородскія Губ. Вѣдомости" будутъ выходить 1 разъ въ недѣлю, по средамъ, въ объемѣ отъ 16 до 20-ти страницъ. Подписная цѣна на неоффиціальную часть: съ доставкою на домъ въ Н.-Новгородѣ и пересылкой за годъ 4 руб., за ½ года 2 руб. 50 к.; вмѣстѣ съ оффиціальною частью (полный нумеръ)—за годъ 6 руб., съ пересылкою и доставкою, за ½ года 4 р.

Редакторъ неоффиціальн. отдѣла *Г. П. Демьяновъ.*

Адресъ редакціи: Кремль, губ. типографія.

Дозволено цензурою. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. П. Демьяновъ.